Александр Окольников

Девять жизней Кота Баюна

Летопись третья
Удар железного когтя

#Гардар
Йошкар-Ола
2023

УДК 82-343.4
ББК 84(4 Рос)
О51

Кологодный цикл

Ратибор и волшебство Купальской ночи
Ратибор и сказки Вещего Леса
Ратибор и тайна Великой Коляды
Ратибор и Сила Печати Велеса

Мир Ратибора

Легенды и предания Влесова Ключа
Девять жизней Кота Баюна. Крадущийся в ночи
Девять жизней Кота Баюна. Навий Скоморох
Девять жизней Кота Баюна. Удар железного когтя

Мир Вещего Медведя

Внуки Вещего Медведя. Медвежата и Владыка вод или путешествие к Морю Кияну (в соавторстве с Алисой Окольниковой)

Иллюстрация на обложке
Борис Аджиев

Окольников, А.

О 51 Девять жизней Кота Баюна. Летопись третья. Удар железного когтя. – Йошкар-Ола: Гардар, 2023. – 304 с.
ISBN 978-5-6043207-8-5

Стены Приюта Павших Богов не в состоянии сдержать скопленной мощи Чёрного Колдуна. Питаясь Силой живых, Чародей отбрасывает рыскающие по Яви тени, которые несут его слово оболганным детям Даждьбога.

Баюну предстоит выяснить: смогут ли его железные когти истребить всех порождений лукавого Узника и стоит ли рассчитывать на помощь Макоши, которая оттолкнула от себя Велеса ради посулов нового союзника.

Пока охотник гоняется за созданиями Чародея, калёным железом очищая мир людей, Ратибор, ведомый путеводным клубком, врывается на лесную поляну, чтобы остановить развернувшуюся там схватку. Что на этот раз ищет мальчик, несущий в себе переплетающиеся начала многих Сильных Сварги, – предстоит узнать на страницах летописи.

ISBN 978-5-6043207-8-5

© Гардар, 2023
© Окольников А., текст 2023
© Гардар, оригинал-макет, 2023

Присказка

– Он сродни тебе…

Макошь вздрогнула, когда лёгкая песнь флейты, разливающаяся по округе убаюкивающей мелодией, резко оборвалась и за её спиной раздался насмешливый вкрадчивый голос. Пряха нервно пошевелила пальцами правой руки, готовая в любой момент сжать их на рукояти Серпа Судьбы. Не оборачиваясь, она взирала на руины Приюта Павших Богов и с каждым мгновением хмурилась всё сильнее. Чёрнокрылые вороны продолжали кружиться в трёх хороводах, но неуловимые изменения проскальзывали в их полёте. Девушка не могла понять, что именно её настораживает. Отвлёкшись от тягостного созерцания, она прекратила испытывать терпение незнакомца и вымолвила:

– Ты, видно, шутишь?

Заливистый смех, смешанный с грустью, колющей в самое сердце, ударил ей в спину с едва заметным душком. Плесень!

– Шутил… – поникший голос говорил о том, что его хозяин понуро опустил голову, съев конец фразы. – Раньше. Но ныне разучился.

– С чего ты решил, что мы похожи?

– Вы оба плетуны[1].

Макошь удивлённо подняла брови, всерьёз намереваясь покарать наглеца.

– Желаешь проверить, что острее: твой язык или мой Серп?

Незнакомец продолжил, не обращая внимания на угрозу:

– Он вплетает плесень в сплетённые тобой нити человеческих судеб, которые тут же слипаются и становятся подвластны ему.

---

[1] Игра слов. Плетун (с укр.) – сплетник, враль. В другом значении слово может употребляться в отношении паука: паук-плетун.

– Кому подвластен ты?

Макошь резко обернулась, но за её спиной никого не оказалось. Тут же вновь раздалась насмешливая песнь флейты. Игривая мелодия взъерошила спадающие на плечи волосы, хлестнула по подолу платья и запрыгала по глади водоёма, расположенного за каменистым берегом, в нескольких десятках шагов от Хозяйки Серпа Судьбы.

Девушка перевела гневный взор на Приют Павших Богов, до рези в глазах вглядываясь в руины замка, служащие темницей Чёрному Колдуну. Прикусив губу, она с горечью подумала – если так и дальше пойдёт, то темница Чародея превратится в его оплот. Закрыв глаза, Макошь расправила плечи и, вздохнув, всмотрелась в чёрные пульсирующие нити, сходящиеся к месту заточения Чародея. Их было столь много, что в некоторых местах плесень полностью покрывала землю. Благо, что она не решилась подходить ближе, это могло закончиться не весть чем – чары, сдерживающие Узника, слабеют.

– Нужно будет наказать Баюну проверить, куда ведут самые толстые нити.

Сожалея, что Флейтист более не проявил себя, Макошь развернулась, лёгким движением руки открыла тайный путь и зашагала прочь, чувствуя на себе полный ненависти взгляд притаившейся в водоёме мавки.

Зачин

– Наляга-ай!

Обнажив взмыленные спины, кряжистые парни тянули на себя длинные воловьи рога. Топчущие грязь звери истошно мычали – они и сами были бы рады поскорее миновать вязкую жижу, но расположившаяся на сопряжённых телегах тяжёлая ноша прижимала к земле, будто не желая, чтобы груз добрался до места назначения.

Лесорубы, топоры которых ждали своего часа, нежась в соломе, выстланной на дне обозной телеги, утирая крупный пот, опасливо сетовали на столь дальний путь, заведший их в непролазную чащобу, и искоса поглядывали на ищущего, стоявшего на обочине и руководящего поездом[2], на котором лежал выточенный из массивного камня лик Господина.

– Поднажми-и!

Руководящий лесорубами Мокроус – старый и опытный дедок, несколько весён назад взявшийся с побратимами за хорошо оплачиваемую работёнку, – проследил за взглядом недавно прибившегося к ним молодчика, который больше всех огрызался на ищущего, платившего полновесными гривнами. Уяснив, что одетый в чёрный балахон ищущий – первый из слуг Господина – заметил тяжёлый человеческий взгляд, Мокроус толкнул парня и, подобострастно поклонившись нанимателю, оттеснил молодчика к кустам, зло зашептав:

– Ты чего, Сом, сдурел, что ли?

– А чего он! – огрызнулся разгорячённый тяжёлым переходом парень.

– А ничего, – Мокроус показал ему волосатый мозолистый кулачище. – Он платит, ты тянешь, да лес валишь и чуров лже-богов выкорчёвываешь во славу нашего Господина.

---

[2] В данном случае двигающиеся друг за дружкой телеги.

– Пусть сам его слав…

Сом не договорил, потная пятерня заткнула ему рот. Парень невольно дёрнул рукой, пытаясь привычным жестом выхватить топор, обычно висящий за поясом, но схватил лишь воздух – топоры загодя были убраны в обоз, дабы не потерялись в дороге.

– Не дури, парень, – от деда не укрылся жест юноши, но старший артельщик решил не развивать ссору – придёт ещё для этого время. – А сейчас нужно миновать осеннюю хлябь до захода солнца. – Услышит твои речи, нас всех того, – он провёл большим пальцем по своей шее.

Парень, стихая, кивнул, но когда его рот вновь был свободен, прошептал, наклоняясь к старшему товарищу:

– Может, мы его того? – Сом повторил жест Мокроуса.

– Сдурел? – дед схватился за голову, невольно оглядываясь на ищущего, который пристально следил за тем, чтобы взбрыкнувшие волы не опрокинули телеги с изваянием Господина.

– А чего? – парень уставился на собеседника с искренним недоумением. – Он же один. Да и серебришко при себе имеет. Тюкнем ночью по голове и поделим по-братски, – Сом заговорщицки улыбнулся. – Между мной и тобой.

– Да ты что?

– Да ничего! – огрызнулся теряющий терпение лесоруб. – Струсил? Заберём гривны, да и уйдём лесом.

– А остальные?

– Они же не дети малые – сами решат, что им делать.

– Ты хоть знаешь, кого тюкнуть-то собираешься? – Мокроуса трясло от слов хлопчика. – Это же первый слуга, первый, понимаешь? Ты как из леса вчера вышел!

– А может, и из леса! – оскалился Сом. – И что с того? Подумаешь, слуга! Мы – люди вольные!

– Вольные? – дед выпучил глаза. – Мы рабы Господина, дурень! Рабы! Понимаешь? А он, – Мокроус осмелел настолько, что мимолётным движением указал в спину

ищущего. – А он его первый слуга! Слуга, понимаешь? Носитель частицы его могущества!

Хруст ветки прервал речь лесоруба.

– Чего встали? – шипящий голос ищущего, незаметно подкравшегося к спорщикам, заставил Сома подскочить на месте, а Мокроуса испуганно вжать голову в плечи. – Обоз без вас не вытащить! Живо помогайте своим!

Под чёрным капюшоном блеснули и тут же погасли два багряных огонька.

Чёрный Колдун усмехнулся. Он и дальше мог наблюдать глазами своей тени за зарождающимся бунтом. Мог дождаться, когда лесорубы кинутся друг на друга с ножами или всё же решатся напасть на его слугу, которого именуют ищущим. Он мог подтолкнуть живых к любому исходу, но сейчас было важно иное – затаённое в укромном месте капище Сварога должно быть выкорчевано и на том месте нужно поставить его собственное изваяние.

Узник посмотрел вверх, безбоязненно вглядываясь в своих пернатых тюремщиков. То, что он раньше делал только с опаской, ныне давалось без труда. Простирающиеся из Яви чёрные жилы, тянули плесень, рождающуюся в сердцах живых, к нему, питая Силой. Чем больше его изваяний занимало уничтоженные капища – тем больше было Силы.

Скоро, совсем скоро Силы будет столько, что он сможет беспрепятственно покинуть опостылевшую темницу и соединить расколотую Сваргу в себе, собрав все искры, бездумно разбросанные Праотцом.

Сказ 1. Дети Силы

– Я пришёл за тобой…

В обманчиво мягком голосе, сродни кошачьему мурлыканью, проскальзывали тщательно скрываемые нотки калёного железа, ждущего своего часа. Баюн прислушался, впрочем, не ожидая ответа. Скользнув взглядом по выпотрошенному мешку, поруганной девкой валяющемуся в придорожной грязи, терзаемой колючими иглами опостылевшей мороси, поднял голову, опасливо втягивая ноздрями ночной туман, разящий едким смрадом.

Удостоверившись, что, избежав лукавства беглеца и не попавшись на его уловки, он идёт по верному следу, Кот мягко шагнул вперёд, вглядываясь в облако тумана, неспешно выползающее на узенькую лесную тропу. Зеленые глаза охотника, с лёгкостью пронизывающие непроглядный мрак, пасовали перед сгущающимся маревом.

– Выходи!

Обнаженные клинки ненароком задели друг друга, заставляя густую пелену отступить и тут же, будто стыдясь своей секундной робости, двинуться вперёд к неторопливо шагающему по тропе путнику.

Ммм-ряяя-к – ммм-ряяя-к…

Издевательское хлюпанье мелких лужиц заставило поморщиться. Катая желваки, Баюн вновь прислушался к внутренней чуйке – единственной, на что можно было положиться, когда туман огладил ноги и, пробуя путника на вкус, окутал его липкой дымкой.

Откуда-то сбоку раздался затухающий крик. Охотнику показалось, что он ослышался, принимая желаемое за действительное. Прикрыв глаза, спутник Макоши выпустил свою самость на волю, заодно проверяя – не таится ли поблизости враг. Тропа и лес оставались пугающе пустынными, словно всё живое замерло, притаилось,

притворяясь мёртвым, в ожидании неминуемого. Лес вздрогнул от повторившегося крика. Баюн выдохнул – ему не почудилось. Справа донеслись едва слышимые детские голоса. Воин хмыкнул, давя победную улыбку – не ко времени, – и сделал шаг в сторону надрывного зова, забулькавшего от неожиданного удушья. Шагнул и замер, не веря себе – повторный крик раздался ближе и уже слева. Следопыт был уверен, что не ошибся – кричал тот же голос, что за мгновение до этого послышался по другую сторону тропы.

– Мряка-миряка, – взъерошенной кошкой зашипел Баюн.

Жалобный скулёж ударил в спину. Крутанувшись на одной ноге, охотник развернулся, готовый броситься на выручку, загодя понимая, что похищенные дети не могут передвигаться в тумане так быстро, да и незачем им петлять вокруг следопыта. Устрашившись блеска клинков, с наконечников которого недобро скалились вздыбленной кошки, марево отпрянуло, обнажая липкую грязь, с жадностью глотавшую бусинки мелкого дождя. Тропа оставалась пустой.

– …миряка…

Баюн рубанул на отмах, гоня прочь ненавистное марево, некстати напомнившее о волках, Скоморохе и проклятой корчме, выругался, браня себя за невольный страха, и замер, вслушиваясь в надрывный хохот переливающихся детских голосов. Нервозный смех окружал, возникая то справа, то слева, то выбегал на тропу позади, то выскакивал спереди, с каждым разом приближаясь к попавшейся в капкан жертве. Порою дети кричали одновременно справа и слева, и чем ближе подбирался крик, тем чаще он стал доноситься с трёх сторон. Охотник замер на месте, отбросив попытку разобрать, что именно произносят дети, с содроганием ожидая исковерканного туманом крика.

Пытаясь определить, откуда явится Миряк, Баюн завертелся, топчась на месте, в ожидании, когда круг замкнётся и дети начнут голосить с четырёх сторон.

Радостно захлюпавшая грязь, смачиваемая усилившейся моросью, раскисала при каждом его движении, с наслаждением чавкая и облизывая липкими комьями латные ботинки, вязнущие всё глубже и глубже. Неожиданно на смену мыслям о корчме пришли воспоминания об удушливых объятиях Водяной Княжны и вязком болоте, хранящем в себе память о неуклюжих разинях, выбравших неверную кочку для своего последнего шага. Воин посмотрел вниз и невольно содрогнулся – обездвиженные ноги увязли уже по колено.

Охотник дёрнулся, но на вид хлипкая грязь крепко обхватила лодыжки, не желая выпускать добычу. В спину ударил промозглый ветер, рождая холодок меж лопатками. Невольно застучали зубы. Руки дрогнули, едва не выронив клинки с шипящими от ярости кошачьими головами. С усилием воли Баюн упёрся кулаками в землю и попытался выдернуть правую ногу, но тут же выпрямился – хлябь чуть не засосала закованные в латные перчатки руки. Стряхнув пахучую грязь с измаратых клинков, следопыт принюхался, улавливая ненавистный запах.

– Плесень!

Всё встало на свои места. Мряк-миряк, и раньше уводивший непослушных детей, в последнее время совсем распоясался. Об исчезновениях говорили повсеместно. Баюн шёл следом за слухами от княжества к княжеству, от града к граду, от веси[3] к весям, не понимая, что гонит древнего обитателя чащоб и оврагов вперёд. Теперь понял, подтверждая догадку Макоши. Сдавшая за последнее время Хозяйка избушки на курьих ножках говорила о том, что стены Приюта Павших Богов перестали быть надёжной преградой для Чёрного Колдуна, тянущего тёмные щупальца в мир живых. Его армия полнилась новыми приспешниками, некоторые из них были не из людского

[3] Весь – деревня.

рода, порою ему присягали и Древние – живые осколки некогда Единой Сварги. Похищенные дети несли свои искры Тёмному, навеки обрывая связь с Ирием, который и без того стал почти недосягаемым для жителей Яви.

Погруженный в не вовремя нахлынувшие думы Баюн охнул, пропустив удар сбоку. Доспех затрещал, ребра заныли, словно после встречи с массивным бревном, тараном вылетевшим из мглы и тут же сгинувшим в тумане, который отступил для замаха. Голоса детей, окружившие увязшего по пояс Кота, остервенело кидались на него с разных сторон, уподобившись воронам, решившим не дожидаться, когда доходяга окончательно издохнет. Следопыт отмахивался мечами, с ужасом понимая, что с каждым движением увязает всё глубже.

Туман ударил вновь, сминая нагрудник. Теряя шлем, Баюн выгнулся назад, едва не сломав позвоночник, с досадой посмотрел на оброненный меч и, понимая, что не дотянется до него, рубанул вторым клинком. Слившийся со стоном плачь сиганул в образовавшуюся на груди прореху в доспехе. Крик умер на вздохе, успев прокусить плоть жертвы, по которой начал растекаться леденящий страх, сковывающий движение.

Баюн потянулся к Силе, но тут же задрожал от нестерпимого ужаса, стальными кольцами сдавившего грудь. Второй клинок покинул ослабевшие пальцы, посчитав их недостойными своей рукояти. Едва дыша, Кот поднял взгляд на возникшую в тумане тень. Переливаясь голосами давно сгинувших детей, Миряк медленно приближался к добыче, по шею увязшей в грязи.

– Мряка-миряка, мряка-миряка… – наперебой заголосили некогда похищенные дети.

Баюн поднял подбородок – не помогло. Понимая, что рискует захлебнуться и потерять очередную жизнь, следопыт забарахтался, усугубив своё положение, и, давясь вязкой жижей, ощутил растущий в груди ужас. Одновременно с приходом паники начал расти Миряк, едва

различимый в густом мареве, яростнее загомонили дети, готовясь встречать очередного бредущего-в-тумане.

Когда похититель вырос до немыслимых размеров, а его голова затерялась где-то над кронами деревьев, скованный в ужасе Баюн заметил, что льющаяся в глотку грязь не душит его. Охотник закрыл глаза, с усилием воли изгоняя ледяной холод с груди. Захватчик оскалился, решив не сдаваться без боя. Вторя ему, в самое ухо закричали дети, осыпая неразборчивыми причитаниями. Калёное железо духа сшиблось с ледяным копьём страха, пронзающим сердце. Спутник Макоши взревел, с яростью разбивая пристроившегося на груди паразита. Не выдержав решительного напора, лёд треснул, вынуждая туман отступить.

– Мряка-мряка! – наперебой испуганно завопили безжизненные детские голоса.

Баюн, отплёвываясь, открыл глаза. С трудом поднялся, старательно вычищая рот. Взглянул на развороченную лужу, в которой валялся всё это время. Поспешно подобрал клинки и сбитый с головы шлем, огляделся. Туман отступил, продолжая неразборчиво гомонить многоголосьем, отчасти напоминающим детскую речь. Миряк съёжился, кутаясь в густой пелене. Пьющий Страх в панике бежал от того, кто не испугался его – попробуй догони.

Настраиваясь на предстоящую погоню, Баюн опешил, когда услышал позади себя скрежещущий шёпот. Охотник обернулся, уставившись на тающую тень, которая злобно прошипела:

– Мряка-миряка, издохни собака!

Туман нервно задрожал и, не в силах сдержать страх, скорчился в судорогах, открывая Баюну спутников Миряки, которые немедля двинулись к замершей добыче.

* * *

– Куда прёшь, недомерок?

– Оставь ты его, Мировид, видишь, какой тщедушный, того гляди, придавишь ненароком.

– Оставить?

Недовольный рык заставил шедших поблизости людей оглянуться на упитанного кожемяку, дурной нрав которого знала вся слободка. Взгляды неодобрительно скользнули по занесённой для удара руке и вновь устремились вперёд, туда, где на конце извилистой улочки открывался простор вечевой площади, с хищно вбиравшей в себя горожан и жителей ближайших местечек.

– Оставь и остынь, – на мохнатый мозолистый кулак легла увесистая ладонь брата горластого смутьяна. – Малец не меньше твоего желает посмотреть на очищение, вот и рвётся вперёд. Ростом-то не вышел, а увидеть охота. Чай сам не понимаешь?

– Не вышел он… – зашипел Мировид. – Оттоптал мне ногу, растяпа, – провожая взглядом шапку, отороченную ярко-рыжим мехом, мелькающую меж людей, словно огонёк, раздосадованный кожевник оправил пояс, ненароком коснувшись кошеля, и судорожно забулькал, с жадностью хватая воздух – кожаного мешочка на месте не оказалось.

Ударивший по толпе вой заставил люд сбавить шаг. Находящиеся подле обкраденного слободчанина и вовсе остановились, затыкая уши и силясь понять, что стряслось. От площади, до которой оставалось с десяток дворов, послышались бряцанье оружия и окрики стражи, решившей проверить причину сутолоки на одной из улиц. Брань Мировида, словно оскаленные куницы, преследующие сбежавшую наседку, металась меж людей, желая нагнать воришку.

Понимая, что озирающийся люд рано или поздно обратит на неё внимание, одетая в мужское платье девочка натянула на глаза лисью шапку, закинула увесистую добычу, ласкающую слух нежным звоном, за пазуху и,

выхватив из-под самого носа зазевавшегося коробейника тёплый калач, юркнула в проулок меж частоколами, желая поскорее очутиться на соседней улице.

Подворотня встретила её недовольным чавканьем грязи, пытающейся выбраться из-под разбитых и давно не латаных мостков, нестерпимой вонью и промозглым ветерком, острыми пальцами ощупывавшим разгорячённое от бега тело. Запахнув заплатанный жилет, который удалось стащить прошлой зимой на одном постоялом дворе, девочка оглянулась, нервно жуя хрустящее лакомство. Кошель грел голодное пузо, обещая сытный вечер. Раздираемая предвкушением грядущего пира и опаской, что её всё же сумеют отыскать, она едва не натолкнулась на обнимающуюся пару, стоявшую у выхода на другую улицу. Юная воровка могла поклясться, что мгновение назад там никого не было, да и сейчас она видела их словно за неосязаемой пеленой. Неожиданно парень, прижавший к себе девушку, открыл глаза и прошептал:

– Это она?

Девочка попятилась, вжавшись в покосившийся частокол. Несмотря на мальчишескую одежду, незнакомец сразу понял, что это никакой не мальчик. Не в силах сдвинуться с места, воровка запуганной мошкой смотрела на паука, выползающего из груди улыбающегося парня. Повернувшаяся к ней девица кивнула головой:

– Она.

– Как твоё имя? – парень протянул руку.

– Аг… ния.

Воровка дрожала осенним листом, морщась от едкого запаха плесени, исходящего от надвинувшейся на неё пятерни. Неужели она столкнулась с ищущими – цепными псами правителя, рыскающими по городам и весям в поисках последних детей Даждьбога? Несмотря на то что эта парочка одета иначе, чем их собратья, Агния понимала – природу не скрыть. По груди, едва не разрывавшейся от дикого биения сердца, растекалось дарящее уверенность

тепло. Она уже сталкивалась с ними. С той встречи остались незаживающий рубец на спине и боль утраты – мама приказала бежать, позволив ищущим утащить себя, чтобы спасти дочь. Одну из дочерей. Самую юную и талантливую внучку Сварога. Девочка всхлипнула, резко всплеснула руками и, со злорадством глядя на удивлённые лица гончих Господина, в которых плеснула пламенем, рванула в людскую толпу, надеясь, что спасительный поток позволит ей затеряться и залечь на дно.

Агния понимала, что ей нужно поскорее покинуть город, скрыться в глухом лесу, окружившем выселок, в котором остался один-единственный шалашик, с доживающим свои годы дедом, заменившим ей родителей и научившим пользоваться Силой – даром истинных Богов. Но людской поток, спешивший к месту очищения, увлёк её за собой, не давая ни малейшего шанса на желаемый побег.

До нежданной встречи она и сама стремилась на центральную площадь града, подле которой находился царский терем. Презрев увещевания деда, бегала туда каждый раз, когда разъезжающие по деревням глашатаи объявляли об очередном очищении, в надежде увидеть мать, братьев и сестёр, сгинувших многие лета назад, чтобы жила она. Агния жила и мечтала отомстить. Перед сном частенько представляла, как повстречает ищущих и выпотрошит их тёмные балахоны, которые они никогда не снимают, зыркая из-под капюшона на простой люд чёрными провалами, исторгающими неутолимую жажду. Ждала и дождалась – сбежала, не дав боя мучителям.

– Ненавижу!

Девочка со злостью сжала кулаки, по которым тут же запульсировало тепло. Отшельник учил, что Божественная Искра есть в каждом, но в некоторых их столько, что они становятся добычей ищеек Господина. Девочка с презрением зыркнула на сторонящихся её людей. Верные рабы Пленника чуяли пульсирующую рядом Силу, хоть и не отдавали себе отчета в этом. Гася в себе желание

выпустить на свободу растекающуюся по груди мощь, Агния вздрогнула, ощутив расходящийся по толпе ропот. Началось! Она с каждым разом с трудом переживала эти мгновения, с содроганием давя в себе желание уподобиться безумному зверю, слитому из тысяч одурманенных зевак. Воровка понимала: пока очищение не завершится, ей не покинуть града – продавшие искру люди попросту не сдвинутся с места.

– Грязь!

– Грязь!

– Грязь!

Девочка едва сдерживалась, чтобы не заткнуть уши и тем самым не выдать себя. От приютившего её деда, она знала, что на первые очищения являлось много носителей Силы. Ищущие упрощали себе поиск, заманивая добычу в аккуратно расставленную мышеловку. Носители искры либо пытались выручить собрата, либо сходили с ума, выдавая себя отличным от рабов поведением. Именно так выдала себя мама, когда попыталась спасти старшего сына, возглавившего быстро раскрытый мятеж. Поэтому Агния, широко распахивая рот, поднимала кулачок вверх, стараясь не отличаться от общей массы, опасливо косясь по сторонам – не покажутся ли те странные ищейки, что повстречали её в проулке.

– Очисть!

– Очисть!

– Очисть!

Странной парочки поблизости не было. Но зато она обнаружила рядом надувшего щёки Мировида, который не вспомнит ни о ней, ни о потерянном кошеле до тех пор, пока очищение не завершится. Агния прикусила губу, понимая, что толпа вынесла её прямиком к сложенному из массивных бревён костру. Воровка старалась не смотреть на троицу в чёрных плащах с накинутыми на голову капюшонами. Ищущие пристально изучали люд тёмными

провалами вместо глаз, желая найти возможных носителей Силы.

– Как же вас много!

Девочка поёжилась – от ищеек тянуло холодом и плесенью. Обычно на очищении присутствует один, реже двое ищущих. Троих за раз она не видела никогда. Если прибавить к ним ещё и ту странную пару из проулка. Агния нахмурилась – неужели это всё ради неё? За сбежавшей из-под стражи мамой пришли всего лишь двое охотников и городская стража, которые легко справились с ворожеей и владеющими Силой братьями…

– Сжечь!

– Сжечь!

– Сжечь!

Она не успела додумать. Мысли спутались, разбегаясь в разные стороны, увидев как на помост повели ведающую. Толпа неистовствовала, глядя на ту, что ещё вчера лечила от хвори их детей, возвращала коровам надой и приструняла шаловливых духов, мешающих людям жить. Кто предал тебя? Ревнивая соседка, мужу которой ты вернула силу? Забулдыга сосед, которому ты не кинула грошика? Проходимец, решивший получить положенную долю твоего скудного скарба?

– Ведьма!

– Сжечь Ведьму!

– Очисти-очисти её!

Простоволосая обнажённая девушка шагала гордо подняв голову. На шее пойманной чародейки болталась подвеска, блокирующая возможность дотянуться до искры и использовать Силу. Под босые ноги ей кидали погнутые гвозди, осколки разбитых кувшинов и битое стекло – диковинку, которую себе могли позволить только самые богатые горожане. Девушка ступала твёрдо, не позволяя предавшим её безумцам стереть насмешливую улыбку с лица. Ведающая нахмурилась лишь единожды, когда проходила мимо притихшей Агнии. Сжала губы, слегка

качнула головой, предостерегая от глупостей, и, подталкиваемая в спину зазубренными наконечниками копий, взошла на костёр, где её уже ждали высокий грубо обтесанный столб и ищущие.

С трудом сдерживаясь, чтобы не зарыдать и не отвернуться, Агния прокусила губу, не замечая солоноватого вкуса во рту, скосилась в сторону и с ужасом замерла, встретившись взглядом с девушкой из проулка. Повернула голову – её спутник стоял по другую сторону, закрывая возможность бегства.

Нашли! Выследили! Поймают! Мысли заметались в голове, пинками изгоняя расчётливость и рассудительность, которые тащили за собой упирающийся здравый смысл. Понимая, что собралась сделать воровка, незнакомка остерегающе замотала головой, но было уже поздно – Сила потекла к рукам Агнии.

Раздувающие огонь ищущие, умеющие долго не давать пламени разгореться, дабы очищаемый хорошо помучался и очистился, встрепенулись, едва успев отпрянуть от вспухшего костра. Пламя накинулось на сыроватые дрова голодным зверем, с жадностью поглощая пищу и даря поникшей ведающей быстрый уход. Сквозь слёзы, Агния видела лицо матери, вместо лица очищаемой. Подобное превращение случалось каждый раз. Ради этого мига она и ходила в город, чтобы хотя бы так повидаться с родными.

– Отступница!

– Держи отступницу.

– В кожевенные ряды побежала.

– Лови, лови! А то спалит полграда ненароком… С ведьмы станется.

Окрики ударили в спину, словно попутные потоки ветра, гонящие корабль вперёд. Агнию не нужно было подгонять, она с ужасом понимала – ей не уйти. Пятёрка ищущих с лёгкостью расправится с беглянкой. Но и сдаться без боя она не могла. Потому, скользя сквозь орущую толпу, бежала к кожевенному ряду, за которым находилась пристань – единственная возможность пробраться за стены, минуя городские ворота. Пламя стекало с её кулачков игривыми огоньками, медленно затухая на деревянных настилах.

* * *

– Мряк!

– Мряк!

Баюн на мгновение опешил, с содроганием глядя на людей, выныривающих из отступающего тумана. Искаженные судорогой лица, скрюченные руки и тела, раздутые ноздри, грозно сопящие в предвкушении сладкой добычи – они шагали неспешно, неуклюже ставя босые кровоточащие ноги, истерзанные валежником и бритвенно-острой травой. Отвисшие челюсти, из которых валил смрад, подрагивали на каждом шагу, не в силах сомкнуться и произнести желаемое членораздельно, они рождали неразборчивое бормотание, срывающееся в истошные крики, более схожие с голосами животных, нежели с людской речью.

Воин попятился, с удивлением всматриваясь в ослепшие глаза, растекающиеся бездонными омутами на искаженных гримасой лицах, нет, не лицах – личинах, больше походящих на маски ряженых, изображающих пришедших из-за кромки, чем на обличия живых. Острый взор скользил по смутно знакомым физиономиям, не в силах зацепиться за ускользающее понимание – откуда он их знает. Баюн чуял, что в этом и кроется отгадка – кто они и зачем явились сюда, гонимые трусливым Миряком, жадным до чужих страхов. Но ответ таился в тумане, вновь и вновь рождающем схваченные судорогой тела, отказываясь являться лично.

– …ряк… кряк!

Кот скользнул в сторону, пропуская бросившуюся на него сбоку тень, которая тут же налетела на близстоящее дерево, сползла по стволу и, неуклюже двигая конечностями, попыталась подняться, видимо, рассчитывая на вторую попытку. Витязь вскользь посмотрел в безумные очи нападавшего и, оторопев, замер. Безжалостное понимание происходящего, вооружившись увесистой дубиной, вынырнуло из клубов густого марева и, опережая двигающихся к Баюну скорчившихся кликуш[4], широко

[4] Кликуша – припадочный, бесноватый, одержимый демоном.

размахнувшись, нещадно ударило спутника Макоши по затылку. Кот пошатнулся, силясь устоять на ногах – он наконец понял, где видел всех этих людей.

– Мряк…

– Хряк…

Короткие мечи с оскаленными кошачьими мордами среагировали быстрее, чем Баюн подумал, что не стоит рубить в капусту жителей селения, в котором Мряка-Миряка похитил зазевавшихся детей, с наступлением сумерек укрытых за стенами родной избы. Железные когти рассекли скорчившиеся тела, беспрепятственно пролетев сквозь растекающуюся дымкой плоть. Пытаясь сохранить равновесие, Кот шагнул вперёд, это спасло его от удара третьего нападающего, который тут же наткнулся на локоть, защищённый латным налокотником. Человек захлюпал, словно осенняя лужа, и, теряя разлетающиеся зубы, осел в грязь, ни в какую не желая развоплощаться.

– В игры решил поиграть со мной, Миряка?

Ответом было колыхание съёживающегося тумана, выпускающего новых судорожно скрюченных кликуш, и насмешливый хохот детских голосов, в интонациях которых прослеживалась давно зарубцевавшаяся боль:

Мряка-Миряка!
Лежит на дне оврага.
Мряка-Миряка!
Смесь кота и вовкулака.

Баюн фыркнул. Липкий ужас, уводящий испуганных детей, вовремя не укрывшихся под перинкой или отеческим кожухом, трусил выйти на открытый бой, бросался едкими хохмочками, да выкидывал фокусы с туманом, который, поговаривают, рождался из его собственного страха.

– Да уж, смелому не нужно никого пугать, – воин поправил шлем. – Пугать будет слабый, чтобы казаться смелым, в первую очередь самому себе.

Воин оскалился. Много дней он шёл вслед за мелкой моросью, рождаемой густой вереницей туч, тянувшихся с севера. Нынешняя охота на Осеннего Странника, несущего на подоле своего мглистого плаща дикий ужас, сковывающий тела и разрывающий сердца живых, была далеко не первой. Несколько раз Миряка ускользал, уводя детей из-под самого носа Баюна, который никак не мог уразуметь повадки одного из детей Чёрного Колдуна, каждый раз ожидая боя, но вместо схватки ловя лишь отступающий туман.

И вот очередная охота. Он успел – дети живы. Спутник чуял это. Они были где-то совсем неподалёку. Осталось лишь отыскать их во мгле. Но впервые за долгие лета Миряка принял бой. Витязь ещё ни разу не сталкивался с туманным воинством и не понимал, как отличить одержимых кликуш, которых можно угомонить метким ударом, от мглистых призраков, растекающихся дымкой по рубящим их клинкам.

– Мряк…

– …кряк…

– …хряк…

На этот раз Баюн сумел вовремя развернуть свои железные когти и ударить плашмя, сбивая нападающих с ног. И не зря – скорчившиеся тела повалились в грязь ворохом переспелой сливы, задергались, пытаясь встать, но тут же были утихомирены меткими ударами ног. Позже ему стоит разобраться: отчего и почему призраки Мряки и кликуши схожи с сельчанами, лишившимися детей. А сейчас…

– …ряк…

– …як…

– …мляк…

Убрав клинки в ножны, Баюн резво заработал кулаками. Латные перчатки сверкали во мгле, словно перуницы громовержца. Благо скорчившейся толпе, в которую Кот вклинился, хватало метких ударов и оплеух, с лёгкостью

разбивающих посиневшие лица, опрокидывающих нападавших в хлябь и развевающих дымку, принявшую человеческий образ. Сила, пульсирующая в груди спутника Макоши, гнала его вперёд, едва не загнав в ловушку.

– На дне оврага, говоришь?

Кот замер с занесенной над пропастью ногой. Вовремя оглянулся и, крутанувшись, отпрыгнул в сторону, пропуская нескольких кликуш, метивших в его спину. Скрюченные судорогой тела, невесть каким образом набравшие немалую скорость, пролетели вперёд и бухнулись на дно глубокого, поросшего густой травой, оврага с прямыми, истерзанными невиданными когтями, склонами.

Баюн развернулся, собираясь двинуться в обратном направлении, попутно примечая ближайших преследователей, но тут укутавшая дно пелена отступила, открывая взору воина дальнюю часть иссохшего русла, некогда бурной реки, уходящего в том месте в изгиб. Воин торжествующе улыбнулся.

Их дрожащие пальцы едва не размыкались. В глазах измотанных детей жил страх, безжалостно выедающий трясущееся нутро. Самые маленькие, закрыв глаза, висели в ладонях старших, державших малышей за синеющие запястья. Озирающиеся по сторонам дети стояли плотным кругом, прижимаясь плечами друг к другу и изо всех сил пытаясь не разжать слабеющие пальцы. Самый высокий мальчик поднял голову и пристально посмотрел в глаза Баюну. На белом лице седого ребенка проступили румяна, губы сжались, а из глаз скользнула скупая слеза.

Туман качнулся, стремясь поскорее закрыть увиденное от посторонних глаз, но было уже поздно. Увернувшись от очередной кликуши, Кот побежал по кромке оврага в сторону детей, ведущих свою немую бескомпромиссную схватку.

– Мряка-мряка-мряка!

Туман взвыл испуганными детскими голосами. Нет, это не могли быть голоса детей, бьющихся с нелюдью в обережном кругу. Спутник Макоши не сомневался, что стоящие с суровыми лицами ребятишки так и полягут – молча, не проронив ни слова, нежели начнут вопить и просить о пощаде. Кричат не дети, кричит испуганный Миряка, страшащийся потерять добычу, посмевшую вступить в схватку за свою жизнь.

Когда кромка оврага начала плавный изгиб, Баюн прыгнул вниз, проскользил по крутому берегу и, осыпав дно высохшего русла землей, кувыркнулся вперёд, вовремя поймав одного из малышей, выскользнувшего из рук девочки, чуть не упавший в обморок, впихнул малыша внутрь круга, где уже находилось несколько ребятишек, и помог сомкнуть руки, пока взревевший Миряка не успел воспользоваться моментом и напасть на детей, – с замкнутым кругом они вновь оказались для него невидимыми.

– Мряка-мряка! Собака-собака!

– Я не собака, я Кот!

Баюн шарил клинками впереди себя, пытаясь разглядеть в пелене трусливого противника – куда там. Густой туман уподобился киселю, который вот-вот придётся прорубать мечами. Печалило одно: кисель обычно пахнет ягодами и сладок на вкус, а от едкого тумана Миряки жутко несло плесенью, аж слезились глаза.

Витязь огляделся по сторонам. Несколько раз ему чудилась тёмная тень, быстро проскальзывающая мимо. Но можно ли сразить тень? Зная ответ, охотник скинул шлем и сощурился. Его очи закатились назад, обнажая белизну глаза. На этот раз тени не удалось проскочить беспрепятственно. Но, несмотря на кипящую в груди Силу, он не смог заморозить трусливого Миряку, лишь слегка замедлил бег Осеннего Скитальца, но этого было достаточно. Посланник Макоши не сумел разглядеть

скрытого во мгле противника. То, что не удалось взору воина, сделали его железные когти.

– Чур меня!

Баюн обернулся, глядя на оседающих на землю детей. Туман и морось сгинули, словно их не было вовсе. Изнеможенные ребятишки валились на дно оврага, усеянного сухой палой листвой. На ногах остался лишь самый старший из похищенных. Мальчик сурово смотрел на воина, закованного в агатово-чёрный доспех. Только сейчас Кот понял, что его встревожило во взоре ребенка – в нём жила Сила. И отнюдь не крупица, как во многих детях Даждьбога. Силы было столько, что они сумели продержаться до прихода подмоги. Баюн оглядел похищенных ребятишек внимательнее и ахнул – они все являлись носителями Силы.

– Как тебя зовут? – витязь поддался взору настойчивых зелёных глаз, немигающе смотрящих на него. Таких же зелёных, как и у спутника Макоши.

– Стан – моё им, – улыбаясь, мальчик смотрел на расширившиеся зрачки собеседника, не могущего оторвать взгляда от седых волос ребенка, которые вновь окрашивались в угольно-чёрный цвет. – Почему ты вступился за нас?

Коту чудилось, что говорит не Стан, а Сила, ворочающаяся в его груди. Сила настолько знакомая, что спутнику Макоши становилось не по себе.

– Я очень давно выслеживал Осеннего Скитальца.

– Выходит, мы не первые, кого он увёл от родного очага.

– Далеко не первые, – воин потупился.

– Что ты намерен делать дальше?

При этих словах лежащие ребятишки поднялись, с вызовом глядя на нежданного союзника.

– Вернуть вас домой.

По спине Баюна пробежал холодок, с такой ненавистью на него уставились дети. Стан растопырил пальцы, жестом

оборвал зачинающиеся возгласы, после чего изучил отступившего воина и твердо произнёс:

– Нам нельзя возвращаться в Зеленухи!

* * *

– Тс-с!..

– Матуска-матуска, ведьму´чка тутачки.

– Ох ты ж, чтоб её окаянную! Куда ты забрался-то, дитятко?

– Тс-с! Тихо! – приложив указательный палец левой руки к губам, испуганная Агния зашипела змеёй, грозя нашедшему её малышу кулаком, из которого показался край украденной гривны. – Хочешь, отрублю тебе на кренделя[5]?

– Ой, матуска! Ой, матуска, – заверещавший малец выскочил из клети, куда прокрался за лакомством тайком от родительницы, но вместо угощения нашел притаившуюся девочку, которую уже перестали искать в этой части города. – Ведьмучка проклятущая грозится мне кренделькы мои отрубить.

– Мирови-ид! – завопила хозяйка дома, зовя на подмогу мужа. – Нашли мы твою ведьму. Богданчик нашёл. Зови скорее старосту, да пошли за ищущими. И не забудь молодцу нашему сластей купить.

Агния похолодела, понимая, что всё это время таилась в доме горлопана, которого так удачно подрезала с утра. Девочка облизнула иссохшие губы, решаясь выскочить из клети и прорываться к выходу из добротно сложенных хором, в которые с необычайной лёгкостью проникла, уходя от наступающей на пятки погони. С раздавшимся за стеной

[5] Серебряная гривна – денежная и весовая единица древнерусских и соседних с ними земель в XI–XV веках. Каждая гривна разделялась на четыре части. Отсюда же и произошло название «рубль» от слова «рубить», потому что прут серебра в гривну весом разрубался на четыре части, которые и назывались рублями.

лязгом металла воровка поняла, что опоздала. Едва не вырванная с петель дверь распахнулась настежь.

– Нехай кого стороннего звать, – громоздкая тень закрыла собой дверной проём. Кожемяка замер, прищурившись изучая тьму клети, пронизываемую лучами вечернего солнца, проникающими сквозь щели меж грубо сколоченных досок. Хозяин хором присмотрелся, не веря своим глазам, довольно хмыкнул, повернул массивную шею и прокричал: – Эй, Некрас! Поймал я того воришку, которого ты давеча не дал мне проучить. Зови подмастерьев, сейчас жилы тянуть будем во славу нашего Господина. Не зря, ой, не зря я сходил в пустой дом и воздал ему требы, после всей этой кутерьмы на площади. Пленник никогда не оставит верных ему!

Понимая, что время утекает сквозь пальцы, девочка, тяжело дыша и морща лоб, потянулась к Силе. Тщетно. Она была пуста – истратила всё без остатка на площади, даря ведающей скорый уход. Конечно, много позже искра вновь разгорится, но у пойманной в капкан девочки от этого не было никакой радости. Вспоминая рассказы о могучих жителях Единой Сварги, которые без оглядки могли пользоваться изначальной искрой, Агния, выворачивая себя наизнанку, наскребла крохи, позволяющие ей совершить последнее чудо.

– Прочь с дороги! – девичий голос ударил кусачим кнутом, заставляя просаленную шею повернуться вспять.

– Что?! – вытаращив глаза, кожемяка невольно отшатнулся от пылающего в руке воровки огонька. – Клятая ведьма!

– Беги прочь! Беги и прячься под подолом жинки, а то спалю тебе тут всё! – глаза ворожеи горели огнём. Щёки окрасил пурпур, смешавший в себе залихватский азарт и страх, рождённый пониманием, что её искра вот-вот погаснет.

Девочка шла не спеша, боясь невольным движением сбить и без того чахлый огонёк, готовый развеяться от

мало-мальского сквознячка. Нет, она бы не остановилась на одних угрозах и спалила бы всё тут – проклятые рабы Господина заслуживали наказания. За её плечами осталась выжженная деревня, в которой она росла, а после ревела над угольками отчего дома. Соседи, показавшие ищущим короткий путь к их хате, дорого поплатились за то, что не дали её семье лишних мгновений, могущих спасти маму, братьев и сестричек. А позже горел кабак, в котором голодную проходимку, истерзанную морозной вьюгой, накормили бобами, да пытались напоить настоем дурман-травы, чтобы приковать на чердаке ржавыми кандалами, видевшими слёзы других обманутых… Не приковали. Ещё была мельница. Почему-то Агния вспоминала её чаще других, больше с печалью и содроганием, нежели с привычным ей злорадством. Быть может, дело в Сташике – сиротке, с которым она успела подружиться за недолгое проживание в семье мельника, приютившего таких как она. Жили они дружно, девочка даже надеялась, что вновь обрела дом. А потом пришла весна, и мельник решил выдать её замуж… сразу за всех сыновей разом. Она помнила их крики, тонущие в огне, ей часто снились их удивленные глаза и стоны, отчего-то сливающиеся в неразборчивое карканье. Агния сглотнула, гоня воспоминания. Она с радостью бы спалила хоромы, в коих таилась полдня, пока мальчишка не нашёл её, но понимала, что танцующий на ладони огонёк – это больше иллюзия, нежели реальное пламя, могущее причинить кому-то реальный вред.

– Что ты пятишься, Мировид?!

Когда до заветного выхода оставались считанные шаги, в спину отступающему хозяину врезалась гора мышц, прикрытая одним кожаным фартуком. Несшийся к клети Некрас не рассчитал скорости и налетел на испуганного брата, который тут же повалился вперёд, едва не придавив чародейку.

– Встань, встань, увалень! – кожемяка вопил, словно хряк, которого тащили на живодёрню. – Она же спалит тут всё.

– Да не спалит! – Некрас с лёгкостью поднялся и, помогая брату, указал свободной рукой на рванувшую к частоколу девку. – Смотри, как чешет! Хотела бы спалить – спалила бы давно. Сам же видел, с какой лёгкостью на площади она превратила массивные брёвна в пепел.

– Хватай её! Выпускайте собак! – Мировид с трудом поднялся и, злобно зыркнув на брата, заорал выглядывающим из мастерской подмастерьям. – Скорее, скорее, телепни! Уйдёт, с вас шкуру спущу!

Увлечённые наблюдением за разворачивающейся погоней, братья кожевники не заметили, как из дальнего угла клети потянул едкий запах плесени. Подхваченный хлипким сквозняком дурман ощупал утварь, скомкавшуюся на полу грязь, перемешанную с опалой листвой, выглянул наружу, едва касаясь хозяев хором, и юркнул назад, туда, где на вмиг подсыревших досках едкими коростами моментально проступала пузырящаяся гниль.

Агния вскрикнула. До частокола девочке не хватило несколько шагов. Мохнатые волкодавы, с слипшейся шерстью, свисавшей затвердевшими комьями, длинными прыжками настигли беглянку, сбили с ног и, злобно рыча, преградили дорогу. На удивление Мировида, который неуклюже топоча спешил к пойманной воровке, псы не растерзали чародейку, на что он надеялся, не желая марать руки, а лишь сдерживали, не пуская к спасительному частоколу, за которым уже слышались крики горожан, незнамо как прознавших о поимке ведьмы.

– Куси-куси её, рви! – захлёбывающийся слюной кожемяка, наконец, догнал брата, добежавшего до собак первым.

– Гляди, – Некрас осадил родича, – это же девка, – для него это стало неожиданной новостью.

– И что с того, что девка, – тяжело дыша, хозяин мастерской навис над притихшей Агнией, выставившей перед собой бритвенно отточенный ножичек, коим и лишила ремесленника заветного кошеля.

– Так ребенок же совсем… Как моя Агуша.

– Не ребёнок, а клятая ведьма! – Мировид сплюнул. – Выродок ложных божков, что пленили нашего Господина.

– Коли ведьма, зови ищущих.

– Погоди, – здоровяк осклабился. – Успеем позвать.

– Что ты задумал?

– Сейчас мы её очистим! – кожемяка хищно оскалился, исподлобья глядя на дрожащую воровку.

– Ищущие не одобрят, – неуверенно промямлил Некрас.

– Ищущие?! – усмехнулся Мировид. – Мы совершим очищение именем Господина. Расправимся с чародейкой во славу его.

– Во славу Господина, говоришь, – раздавшийся из-за спин кожевников голос застал их врасплох. – Узнаешь ли ты при встрече того, кого собрался славить?

Отметив, что собаки начали поскуливать и вжались в частокол, Мировид коснулся пальцами рукояти висящего на поясе ножа и не спеша обернулся, слегка качнувшись в сторону, позволяя Агнии увидеть приближающуюся фигуру в чёрном плаще, с накинутым на лицо капюшоном, а за ней – о, ужас! – девушку, которая повстречалась чародейке в подворотне. Незнакомка задорно подмигнула напуганной воровке.

– А-а-а, – привычный к кулачному бою Мировид опустил подбородок, выставил вперед руки, в одной из которых блеснул нож, и подсобрался, готовый атаковать очередного нежданного гостя. – Вижу, пришли за своей девкой, ведьмино племя.

Дрожащая от страха Агния не чуяла в парне, небрежно откинувшем капюшон, Силу, подобную той, что жила в ней и в девушке, шедшей за ним следом. В груди незнакомца ворочалась голодная бездна, сродни той, что ворожея чуяла

в ищущих, только куда глубже, голоднее и злее. Когда бездна шагнула наружу, злобно лязгнув гниющими челюстями, у Агнии от страха закатились глаза.

* * *

– А наши ли это дети?

Баюн, вырванный из терзающих его дум, вздрогнул, едва не обронив сжимаемый в руке шлем. Обрюзгший староста, аки верховный князь, уперев ладони в колени, восседал на широкой скамье, стоящей у входа в пустой дом. Такие сооружения всё чаще и чаще возводились в городах и весях. Пустые дома строили на случай, если пленённый Господин вырвется на волю и решит заночевать в их селении. То, что Чёрному Колдуну вовек не нужен сарай, выстроенный в самом центре селища, понимал лишь один Баюн. До возвращения Пленника его жилище использовали в основном для проведения вече в непогожий день, да сбора податей в царскую казну. Внутри обитого досками сооружения высилось изображение Чародея – и с чего они решили, что Тёмный выглядит именно так? – у стен стояли лавки – вот и всё убранство Пустого дома. Баюн гадал: верят ли сами люди в предназначение сего строения, но ответ оставался для него сокрыт, не пойдёшь же по хатам с расспросами. Чего доброго, погонят вилами, или ещё лучше – нарекут отступником. Бегай потом по лесам от ватаг, преисполненных праведным гневом, за хулу, нанесённую их Господину. Витязь фыркнул, едва не сплюнув себе под ноги, но вовремя остановился.

– Ребятишек своих не узнаешь? – Кот оглянулся, с опаской осмотрел детей, которых вернул в отчий дом.

Дети стояли на месте, переминаясь с ноги на ногу. Воин с прищуром изучил толстого старика – неужели он что-то учуял? На взгляд спутника Макоши, иллюзия, созданная одной из спасённый девочек, держалась на удивление стойко, ничем не отличаясь от настоящих детей, которые

наотрез отказались возвращаться в родной дом, старательно умалчивая о причинах своего отказа. Благо ребятишки решили помочь избавителю в качестве платы за нежданную помощь. Баюн не спорил. Он всем сердцем желал разобраться в происходящем, поэтому согласился на уловку, понимая, что он, скорее всего, сумел бы одолеть и повязать юных носителей искры Даждьбога, но искренне не видел в этом никакого смысла и отпустил ребятню восвояси, тайно надеясь вновь их увидеть, а лучше отвести к Макоши. При мысли о Хозяйке избы на курьих ножках в груди заныло – с последней их встречи, на которой Пряха отрезала свою тень, Баюн не возвращался за частокол с черепами и с опаской подозревал, что может и не суметь вернуться.

– Не узнаю, – обрезал поднявшийся староста Зеленух.

Собравшиеся люди зашептались. Несмотря на ночную темень, разгоняемую десятком чадящих факелов, вокруг спасенных детей собралось всё селение. Удивлённый Баюн не видел на лицах людей радости, напротив: на него смотрели с опасливым осуждением, брезгливо морщили носы и тыкали пальцами, шипя по-змеиному. Воин старался высмотреть в толпе лица кликуш, которых он отмутузил у оврага, но, к своей радости, не находил, загодя не понимая, как поступит, если среди родителей детей окажутся те, кого он лупил в тумане.

– А ты приглядись! – спутник Макоши цокнул языком, отшагнув в сторону.

– Пригляжусь-пригляжусь…

Староста ступал неспешно, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, с трудом спустился со ступеней, ведущих к Пустому дому. Зашаркал к миражу, который невозможно было отличить от реальных детей. Кот и сам бы не отличил, если бы не ведал о подмене. Остановившись подле Баюна, староста несколько мгновений поглядел в изумрудно-зелёные очи, ничего не сказал и засеменил дальше. За ним следовал парнишка, держащий в руке факел.

Витязь озирался, пытаясь понять источник опасности, о которой вопило растревоженное нутро. Но никто из людей, продолжавших недобро пялиться на него, не походил на кликуш и тем более не пытался кинуться на воина, приготовившегося к бою. Сила пульсировала в груди, требуя выхода, Сила ждала схватки. Баюну стоило больших усилий сохранять спокойствие.

– Как же ты мог, Стан? – Презрительный голос старика отвлек Кота от смирения своего естества. Витязь с интересом уставился на старосту, который подошел к псевдо-Стану и, схватив пухлыми пальцами мальца за подбородок, потряс его, пытаясь оторвать от земли. Затем разжал хватку и резко повернулся к отпрянувшему Баюну. – Решил обдурить нас, пройдоха?!

В глазах старосты плескалась тьма. Витязь огляделся, отмечая, что толпа, не сводя с него очей, придвинулась ближе, встав непроходимой стеной. Пугающая догадка оборачивалась явью – они все одержимы. Конечно, спутник Макоши видел, как изменяется мир. Как живые забывают своих пращуров, славя не жителей Ирия, а Чёрного Колдуна. Но даже те, кто признал себя рабом Господина, оставались людьми, и их ещё можно было вернуть на истинный путь. Окружившие его сельчане напротив – не люди, мерзкая гниль в человеческом обличии. Именно поэтому дети не желали возвращаться в свои дома или?..

– С чего ты решил, старче? – как ни в чём не бывало ответил воин.

– С чего?! – дед взревел, сжимая кулаки. – Да ты погляди на них!

Витязь в недоумении приподнял брови.

– Дети как дети. Обычные…

– Вот именно! – губы старика дрожали, изо рта вылетала слюна. – Они обычные! О-бы-чны-е!

– Ну да… – Баюн развёл руками.

– Признавайся, куда ты дел их искру? – староста упёр указательный палец в Кота.

– Искру?

Спутник Макоши лихорадочно взвешивал услышанное – выходит сельчанам ведомо о способностях детей. А это значит…

– Не прикидывайся простофилей. Я сразу понял, что ты неспроста решил помочь нам, не за медовые коврижки пошёл следом за Мрякой-путеводом. Говори! Говори, паршивец: где их Сила, куда спрятал, где затаил?

– Зачем тебе она? Неужто сам решил завладеть?

– Зачем? – наступая на гостя, дед едва не рвал на себе волосы. – Зачем она мне? Сам я решил завладеть! Ты дурень, коли лопочешь такое.

– Дурень!

– Дурень!

Поддержали его сельчане.

– Мы с осени до осени ищем детей с искрой. Ходим по базарам и ярмаркам, крадём голозадых у соседей, принимаем проходимцев как родных, кормим, поим, уберегаем от тяжелой работы, чтобы осенью сполна отдать причитающееся Господину, – он воздел руки к небу. – Ой, горе нам, горе. Ты – безумец, коли решил, что нам нужны эти голодранцы, которых ты привел от оврага. Что нам теперь, своих кровинушек отдавать? Одолел Мряку, говоришь? Глупец, внук глупца, вымысок недожеванный коровой – вот ты кто.

Опешивший Баюн перевёл взор со старейшины на мираж, стоящий на прежнем месте.

– Вы отдаёте детей? Сознательно воруете, выкармливаете, как скот, и отдаёте?! – не веря услышанному, воскликнул витязь.

Староста прищурился и, сбавив напор, продолжил:

– А что? Первый раз о таком слышишь? Или думаешь, соседи живут как-то иначе? Не прокрадываются к нам по ночам, не жгут дома, дабы скрыть пропажу? Ты сам-то с каких мест? – дед усмехнулся, ткнув пальцем в небо. –

Бабка рассказывала сказы, видать, и ты их слышал, да дурья башка поверила, приняла за правду сказки про Ирии.

– То не сказы…

– Да-а? – старец покачал головой. – А чтишь ли ты нашего Господина?

Кот не успел ответить. Голос Стана разогнал свалившуюся на плечи собравшихся тишину.

– Раб становится рабом не тогда, когда на его шее смыкаются железные кандалы, не тогда, когда руки за спиной стягивает крепкая верёвка. Раб становится рабом, когда соглашается им быть, прекратив всякие попытки обрести потерянную свободу. После чего начинает гнить изнутри.

Баюн с удивлением смотрел в озорные глаза мальчишки, вещавшем словами старца, умудренного жизненным опытом. Витязь понимал, что обычный морок не может вести себя так. А это значит, что устами миража глаголет зеленоглазый мальчик, использовавший его как посыльного.

– Упрямец Стан! – дед повернулся к детям, жадно вдыхая воздух. – Разве плохо я кормил тебя – тать, найденную в придорожной канаве. Разве не спал ты в моём доме, не ел с моего стола?

– Ты родился рабом и дети твои – рабы, – Стан рассмеялся. – Решил выменять их никчёмные жизни на наши? За твою помощь и заботу я щедро отплатил тебе на посевной… мы все щедро отплатили, используя Силу наших искр.

– Ничего-ничего, – староста теребил нещадно нос. – Найду я на тебя управу.

Малец будто и не слышал собеседника, продолжая вещать:

– За добро мы платим добром, – его голос на мгновение смолк. – Но посеянное тобой коварство непременно взойдёт кровавыми всходами. Прощай, раб, которого я искренне считал своим дедом, пусть и недолго.

С этими словами мираж начал таять, растекаясь туманом по вздрогнувшей земле. За первым толчком последовал второй, третий. Осознав, чью Силу учуял в Стане, Баюн запоздало понял, что сейчас случится, и прокричал:

– Бегите! Спасайтесь!

Но его возглас потонул в поднявшемся гомоне, который мигом стих, стоило только старосте воскликнуть:

– Поклонитесь ему!

Позабыв о бегстве, Кот с удивлением наблюдал, как люди начали валиться ниц, воздев руки к Пустому дому.

– А называли меня дурнем!

Баюн начал пробираться меж причитающих людей, будто бы не замечающих усиливающееся волнение тверди, но не успел сделать и несколько шагов, как его лодыжку обхватили пухлые пальцы.

– Ответь: чтишь ли ты Пленника?

Сверля воина безумными глазами, староста поднялся на удивление резво.

– Ты безумен, дед! – Кот попытался вырваться, но хватка старика оказалась неожиданно крепкой. – Уводи людей, скоро тут…

– Я узнал тебя, дитя лжи и порока! – старик рассмеялся. – Говорят, в тёмном лесу живет старая ведьма, что таится за частоколом с черепами. Она и есть – матерь всех чудовищ, что приходят из-за кромки. А на посылках у старухи чёрный кот…

Понимая, что рискует уйти под землю вместе со старым безумцем, Баюн резко ударил старосту по рукам, рванул в сторону и едва не угодил в трещину, расползающуюся под ногами людей. Искренне желая вновь повидаться со Станом, Кот, не оборачиваясь, юркнул во тьму, не видя, как из Пустого дома вышли четыре тёмные фигуры в накинутых на голову капюшонах. Ищущие переглянулись и, не обращая внимания на стоны живых, которых начала поглощать разверзшаяся твердь, двинулись по следу Баюна.

* * *

– Нет! Не тронь меня!

Визгливый крик потонул в клубящемся мареве, тяжелым покрывалом укутавшим всё вокруг резко вскочившей Агнии. Девочка, не задумываясь раскрыла ладонь, желая проверить: вернулась ли Сила, и с горечью прикусила губу. Незначительный «пшык» тут же погас, не успев народить мало-мальски уверенного огонька. Юная ворожея схватилась за гудящую голову, с опаской пытаясь разглядеть хоть что-то в непроглядном мраке. Ей ничего не угрожало. Никто не желал выскочить из тумана и пожрать её.

Тяжело дыша, девочка попыталась вспомнить приключившееся с ней и вздрогнула, когда её памяти коснулся острый взгляд незнакомца, помешавшего кожевнику учинить расправу. Она смутно помнила, что произошло после: нежные пальцы касались её тела, гладили по лбу, крепкие руки подняли над землей и прижали к себе. А затем… затем пришёл едкий запах плесени и ворчание бездны, ворочающейся где-то поблизости, но отчего-то не пожравшей её.

– Неужели меня поглотила тьма ищущих?

Девочка напряглась, прислушиваясь к ощущениям. Сила хоть и покинула её, но все же должна была вернуться, вновь наполняя чародейку могуществом. Выбираясь из завалов памяти, на поверхность сознания вспыли голоса. Агния помнила – они принадлежат незнакомцам, что настигли её в проулке:

– Поспешай и благодари этого дуралея, что не кликнул ищущих, – парень был недоволен, словно хищник, из пасти которого вырвали лакомый кусок.

– Ты бы с ними не справился, – девушка, напротив, была излишне спокойной.

Зависло короткое молчание.

– Справился, почему нет? – Агния кожей ощущала его оскал, словно зверь, чурающийся проглотить слишком легко доставшуюся добычу, лишь слегка лизнул дрожащего неудачника, попавшего ему в лапы. – Но это бы уже был не я…

– Боишься, что тебя пожрёт твоё же нутро?

– Уже нет…

Грубые пальцы огладили волосы ворожеи.

– Надеешься на неё?

– И на тебя, – в голосе парня скользнула ласковая улыбка, разительно отличающаяся от недавнего хищного оскала. – Ты всегда можешь спеть мне, как тогда на берегу.

– Могу, – по голосу девушки скользнула рябь неприязни.

– Почему же не поёшь? Ни разу не пела с нашей встречи, когда вытащила меня из пучины.

– Ещё спою, – в её голосе скользнула сталь. – Но после. Нам стоит поскорее убраться отсюда. Ты сумеешь открыть проход?

– Постараюсь. Мне, конечно, далеко до умений старухи, но…

Агния поёжилась. После этого разговора её словно окунули в плесень. Воровка начала чесаться, будто желая снять с себя гниющую пелену. Резко прекратила, принюхалась – от неё не пахло затхлостью, лишь лесными травами и спелой земляникой. Такой аромат шёл от незнакомки.

– Выходит, преследовательница спасла меня? – девочка шагнула вперёд, руками раздвигая податливую хмарь.

Кто в таком случае её спутник? Он во сто крат сильнее ищущих и мог бы с лёгкостью расправиться с ней, но не стал. Что его удержало? Неужели слово спутницы? Не ведая ответа, она пробиралась дальше, пока не услышала отдаленные голоса. Агния сделала ещё пару шагов, прислушалась. Одна из говоривших была той девушкой, что

гонялась за ней весь сегодняшний день. Второй голос, неровный и брюзжащий, принадлежал, скорее всего, старухе. Не о ней ли говорил парень? Девочка шагнула вперёд и едва не врезалась в бревенчатую стену – от удара спасли выставленные вперёд руки. Воровка оглянулась – тумана как не бывало. Она находилась в небольшом чулане, заставленном всевозможной утварью. Из-за двери, находящейся по правую руку, доносился довольно разборчивый разговор.

– Ты уже многое умеешь, девонька моя, – старушечий голос стелился дряхлым котом по заплатанным половицам, неловко цепляя дрожащими нотами слух, словно оставляя на ткани затяжки давно тупыми когтями.

– Недостаточно…

– Достаточно для задуманного!

– Ты отказываешься меня учить?

– Напротив, – старуха крякнула. – Я даю тебе следующий урок. Ты довольно повозилась с этим сорванцом. Пора свершить задуманное.

– Ты для этого послала меня на берег?

Старуха ответила не сразу, старательно подбирала слова.

– Не для этого. Я думала… Эх, – она вновь смолкла. – Думала, что ты сможешь удержать его.

– Я и удерживаю.

– Удерживаешь?!

Стены дрогнули, бревна заходили ходуном, вынуждая Агнию отпрянуть от скрипнувшей двери.

– Да! – девушка перешла на крик, тут же поникнув, словно дворовый пёс, тявкнувший на хозяина, с руки которого он всю жизнь питался. – Удерживаю!

– И я так думала, – старуха была непреклонна. – До вашей недавней выходки.

– Но…

– Неужели ты не понимаешь, насколько он опасен? В этом человеке живет бездна – порождение Чёрного

Колдуна. И с каждым её выходом она всё сильнее и сильнее.

– Я сдержу её…

– Видела я, как ты давеча сдержала его. И съеденные плесенью ремесленники тоже видели. Как и их домочадцы, челядь, подмастерье и ещё пол-улицы, сбежавшей в поисках чародейки.

– Я…

– Ты должна его убить! – в голосе старухи скользнула сталь бьющего наотмашь серпа.

Агния вздрогнула, отпрянула от двери, с трудом осознавая услышанное. Неужели они говорят о парне, который остановил ремесленников и, выходит, спас её от неминуемой гибели? Понимая, что ей нужно покинуть это странное место, ворожея завертелась на месте, надеясь найти иной выход, и ненароком задела один из горшков с плотно завязанным горлышком. Воровка ловко подхватила едва не разбившийся горшок, решила поставить его на место, но тут же почувствовала непреодолимый приступ жажды, невообразимо быстро сушащий горло. Не понимая, что она делает, Агния сорвала завязку и с опаской глянула внутрь, желая рассмотреть содержимое. Внутри ничего не было видно. Жажда сгинула, словно её не бывало. Девочка решила вернуть завязку на место, но тут из горшка раздался завывающий глас, словно в нём поселилась буря:

– Вот будет дождь! Вот будет дождь!

Испуганная чародейка поставила горшок на место, отпрянув от него и с ужасом понимая, что разгоревшийся за дверью спор утих. Долго не думая, девочка юркнула за ближайшую корзину, на миг опередив скрип отворяющейся двери.

– Кого это ты ко мне привела? Чавой тут ходют? Чавой вынюхивают?

Сгорбленная старуха ловко подняла завязку, схватила горшок и резво заработала скрюченными пальцами, недовольно бормоча:

– Кому нужно было выпускать дождь? Я его все лето собирала, да в кадки-горшки прятала. Ещё немного, и всё в округе затопило бы.

Вошедшая следом девушка без интереса посмотрела на хозяйку дома. Погруженная в свои мысли, она не заметила, как таившаяся за её спиной Агния опрокинула корзину на пол и юркнула в приоткрытую дверь. Чутьё юной чародейки не подвело её. Не имея представления, куда попала и как отсюда выбраться, она бежала вперёд, ведомая смутным наитием, подсказывающим, где нужно повернуть, в какую дверь юркнуть.

По её разумению, дом не мог быть таким большим. Комнаты сменяли одна другую, двери отворялись, ведя в ту же горницу, из которой она пыталась выйти, сени выводили в кладовые, а те вновь в комнаты, круг за кругом. Один раз она выскочила на чердак, который вёл в засаленную печь, в ней оказалась маленькая дверца, ведущая в очередные сени. Несколько раз Агния останавливалась, переводя дух, касалась груди и чувствовала слабое тепло, побуждающее идти дальше. Через десяток проходов и переходов ей почудилось, что она вновь вернулась ко входу в чулан, в коем очнулась. Девочка прислушалась к доносящемуся оттуда шепоту, сменившемуся резким выкриком:

– Выше леса стели, ниже облака ходи!

Воровка попятилась, но взяв себя в руки, подталкиваемая повисшим на плечах отчаянием, толкнула дверь, шагнула через порог и провалилась в знакомую хмарь, над которой, как ей показалось, разрезая туман, пролетели две женские фигуры на метлах.

Через несколько ударов сердца Агния провалилась в забытье, с тревогой думая о приютившем её деде, к которому так и не сумела вернуться.

* * *

Извечный голод рассекает нутро гнилым кнутом воли Господина, гонящей вперёд своих верных слуг. Впереди лакомая добыча, впереди сытный ужин и похвала отца, чей завет мы несём людям. Живые – глупцы, это у них не отнять – кличут нас ищущими. Да, мы ищем, следуя слову Пленника. Мы – его длань, призванная собрать Явь в кулак и бросить к его ногам, когда он решит сделать свой первый шаг, ведущий из Приюта Павших Богов. Мы – призрачный шелест тысячи чёрных крыльев, мы – ночной шепот, извергающий проклятия из-под изодранного балахона нашего Властителя. Мы – боль и ужас, который приходит по зову людей. Они в очередной раз призвали нас…

Блёклые, едва различимые фигуры, искаженные лица, переполненные страхом и надеждой на нашу помощь. Дурные дети пленителя нашего отца, предавшие свой род и покорно бредущие за нами. Они гибнут, уходя в разверзшуюся твердь, уповая на нашу защиту. Глупцы! Мы явились сюда не за тем, чтобы помогать одурманенному скоту, покорно идущему на бойню, которую они называют очищением. Да, мы очищаем Явь от носителей Силы, бережно доставляя её нашему отцу, но рабам незачем знать об этом.

Среди стонущих мелькают яркие всполохи – единственное, что стоит внимания среди полумглы людских сердец, во многих из которых живёт частица плесени нашего отца. Сверкающие искры сильны, но они не стоят нашего внимания. Мы пришли сюда не за ними. Там впереди, теряясь за скособоченными изгородями, мелькает, зовя нас щёкочущим жаром, уходящий прочь костёр. Нет, пожар. В последнее время нам всё реже попадаются столь сытные источники Силы, и потому не стоит мешкать.

Накрывшая селение мгла укутывает нас своим колючим одеялом, позволяя двигаться быстрее. Тьма – союзница нашего отца, его неверная наложница и рабыня, с радостью готовая принимать детей Пленника. Мы быстры, сколь могут быть быстры безликие тени, но заветная искра

быстрее. Кто он, ранее ускользавший от нашего взора? Нити, незримо связывающие всех ищущих, нервно подрагивают. Братья молчат, они не знают. Замешательство передаётся и нам. Отец послал нас вчетвером, когда на живых хватало одного ищущего. Лишь на очищение по двое или по трое, так велит нам его слово.

Тьма рождает издевательский смех. До нас доносятся отголоски хохота Пленника. Он не оставляет своих детей, он всегда с нами. Он в нас. Мы – это он… Одновременно с угасанием смеха искра теряется во тьме и гаснет. Но как такое возможно? Нам не дано понять. Нам даже не дано размышлять – думает отец, а мы его пальцы, его руки, его воля.

Гниющий кнут, от которого разит едкая плесень, что затуманивает даже наш рассудок, вновь проходит по животу и спине. Одновременно с этим из покосившегося сарая с накренившейся крышей, стоящего за околицей уходящего под землю селения, раздаются гневные голоса. Мы смотрим, мы ждём, мы чуем Силу…

– Она сбежала! – ревущий бас мог тягаться с недовольным гулом набата, возвестившего о надвигающейся беде.

– Я знаю, – девичий голос был отрешенно спокойным, на грани полного безразличия.

– Дарина, я говорил, что её нужно связать!

– Ты думаешь, путы бы её удержали?

– Мои – да, – юношеский голос пропитывал едкий яд.

Девушка насмешливо бросила:

– Полагаешь, её сдержала бы твоя бездна? Забыл, зачем мы её искали?

– Не забыл, – собеседник потупился.

– Ты так рьяно желал очиститься от скверны, что решил связать скверной ту, которую мы хотели просить о помощи?

– Просить?! – парень взревел.

– Просить, именно просить, – хрупкие ладони легли на поникшие плечи. – Ты давно не наследник престола. Да и она не из тех, кем можно повелевать.

– Клятая девчонка!

Раздался звон разлетающейся утвари.

– И наша единственная надежда… – девушка задумалась. – У меня такое чувство, что она мне даже снилась. Агния – красивое имя. Носить такое не каждому дано, да и не каждый сумеет.

– Да что в нём такого? – парень прильнул к подруге. – Твоё мне нравится гораздо больше. И имя, и голос… Жаль, что ты больше не поёшь, как тогда на берегу, когда вытащила меня из пучины.

Собеседница отпрянула, не позволяя заключить себя в объятия.

– А то, что не стоит сажать пламя в мешок – всё равно не удержишь.

– Вот она и сбежала от нас, – в его голосе вновь блеснула сталь.

– Не горюй, найдём.

– Вновь будешь обращаться к своей наставнице? – парень поморщился.

– Сама справлюсь, – ревниво ответила девушка.

Дарину мучило смутное ощущение тревоги, возникшее после пригрезившегося разговора. Что это было: сон или явь во сне? Макошь часто приходила в грёзах, поучая и наставляя. Девушка многому научилась вдали от дома на курьих ножках. После такой ночи она отчётливо помнила, что ей снилось, с лёгкостью могла сварить любой отвар и приготовить снадобье. Ворожба с каждым разом получалась всё лучше и лучше. А сегодня – бац и забыла. Пытаясь ухватить ускользающие воспоминания, Дарья искоса поглядывала на дующегося спутника, не в силах осознать, в чём же причина её беспокойства. Тусклый свет разожженного огарка свечи играл на юношеском лице пугающими бликами, гонящими девицу прочь. Едва

сдерживая желание сбежать, Дарина открыла рот, но бывший наследник престола опередил её:

– Слышишь?

Отринув одолевавшие её мысли, собеседница прислушалась.

– Люди кричат.

– И земля дрожит, – он шагнул к побледневшей спутнице.

– Милый, к нам гости…

Пульсирующая искра лакома. Она уступает ушедшему от нас пожару, но, как и он, манит и без разнузданных ударов кнута, гонящих вперёд. Отец жаждет пожрать эту искру, выпить всю Силу девчонки без остатка. На этот раз нам ничего не достанется, но мы не ропщем – могут ли роптать верные слуги? Нет, мы не рабы, мы его руки, мы его воля. Носительница искры тоже не раб – она будет сражаться.

Вздрогнувшее строение не выдерживает мощи ищущих, явившихся за своей добычей. Ветхий сарай рушится, открывая простор туманного поля. Так лучше, так проще очистить… Мы обнажаем угольно-чёрные мечи – осколки бездны, вложенной отцом в наши руки. Клинки подрагивают, желая поскорее приступить к трапезе.

– Отступник!

Мы вздрагиваем. Вместе с нами вздрагивают все ищущие, связанные с нами незримой связью. Один из нас увидел то, что не увидели остальные трое. Искра не одна. Рядом с живой стоит отступник, предавший имя нашего отца, отступивший от воли своего родителя. Пленник в ярости, Пленник требует скорейшей расправы над предателем. Тьма смеётся в ответ – разве может кто-то устоять против ищущего? И никому не выстоять сразу против четвёрки теней.

Искра встаёт рядом с предателем. Она разгорается, выставляя между нами дрожащую пелену. Дурёха.

Отступник кричит, рвётся в бой. Из его рук проступают острые иглы. Он опасен, не мудрено, что его до сих пор не очистили. Ничего. Нас четверо. Ещё бы один и была бы полная длань нашего отца. Против пятёрки не выстоять никому. Ненасытный голод рождается в наших животах. Бездонная утроба раскрывает пасть. Смеем ли мы – её зубы – противиться? Нет. Мы идём есть.

Отступник отталкивает искру и бросается на нас. Безумец. Ему не выстоять… Град ударов вынуждает остановиться. Мальчишка умен, в нём живет бездна, сродни нашей. Он голоден и не собирается отступать. Как же он не выпил искру, коли настолько оголодал? Нам никогда не понять живых, даже тех, что носят пустоту в себе. Удар, ещё удар. Братья начали падать. Нет, мы не дадим ему выпить их, но…

Бездна приходит на выручку своим детям, тем, что всегда верно служили ей. Под ногами отступника раскрывается её заплесневелая пасть – гниющий проход в её утробу. Мальчишка машет руками, хватается за край, протягивая пальцы к искре. Нет, мы не дадим ей добежать. Её марево неожиданно сильно, мы бы не смогли преодолеть его, но в искре слишком много от живого. Она теряет контроль, и с исчезновением чёрного пятна на траве искра оказывается в нашей власти.

– Сбежал! – наш брат смотрит на нас.

– Вернётся, – я киваю ему в ответ. – Её мы заберём с собой.

Безжалостный кнут стегает по своим слугам. Мы знаем, куда нужно идти.

* * *

– До тебя не добраться.

Усталый Баюн вальяжно развалился на лавке. Он сидел за богато накрытым столом, навалившись спиной на бревенчатую стену дома на курьих ножках. Оскаленный

шлем лежал по левую руку. Обычно спутник Макоши находился при хозяйке в кошачьем облике, но сегодня решил остаться в образе человека, экономя и без того изрядно растраченную на переход Силу. Навий мир нехотя, но впустил витязя – видать, сыграло то, что его разгорающаяся искра сродни естеству Властителя мира за кромкой. Посланный уничтожать порождения Чёрного Колдуна, он был вынужден вернуться, повинуясь зову, настигшему его одновременно с началом землетрясения.

– Скажешь тоже, блохастый, – хлопочущая у печки хозяйка обернулась к верному спутнику, цокнула языком и продолжила орудовать ухватом, ворочая ворчащие горшки. – Кому надо – завсегда отыщут потаённую тропку, – Макошь замялась. – Да и кому не нужно…

Баюн с тревогой изучал хозяйку избы. Пряха серьёзно сдала с их последней встречи, когда отправила Дарью с Котом в мир Явный. По совсем недавно юному девичьему лицу расползались борозды морщин, нос заострился, грозя в скором времени загнуться в орлиный клюв, тёмные пряди разрезали седые молнии. Макошь часто кряхтела, совсем по-старушечьи неразборчиво бормотала, словно жевала слизкую кашицу, во время ходьбы заметно прихрамывала, но старалась скрыть свою немощь. Встретила-то она его в своём прежнем – юном – облике, но чуть погодя, не желая тратить Силу на несвойственное ей ныне обличие, обернулась в женщину преклонных лет, ещё не старуху, но уже повидавшую на своём веку.

– Не жалеешь о своём выборе? – Кот застучал пальцами по столу, тут же резко прекратил и потянулся к глиняной тарелке, закинул кусок жирной рыбины в рот и смачно зачавкал, хрустя костями.

– А был ли выбор? – Макошь оставила ухват у печи и подошла к столу, испытующе глядя на воина.

Гость фыркнул.

– Не ты ли говорила, что выбор есть всегда.

– Есть, – собеседница огладила пальцами воздух, из которого тут же возникло завертевшееся в морщинистой ладони веретено. – Под твоими ногами вьются тысячи путей, но нить судьбы ведёт лишь по одному из них. Оступишься – сгинешь, – крючковатые пальцы разжались, веретено тут же исчезло, будто и не было его вовсе.

– Это не так страшно, когда у тебя девять жизней, – Баюн невесело рассмеялся.

– У тебя их не девять, неужели позабыл? – Макошь нависла над столом.

– Забудешь тут, – витязь почесал подбородок. – Вопрос: стоит ли их терять ради предавших вас людишек?

– Сам додумался, али надоумил кто? – хозяйка избы зло сверкнула очами и, расплывшись в снисходительной улыбке, уселась на скамью, не сводя взора с Кота.

– Посуди сама, – Баюн оттолкнулся спиной от стены и, уперев ладони в столешницу, быстро заговорил, боясь, что его прервут: – Давеча я вытащил детей из лап Мряки-Миряки, а те вместо благодарности отказались возвращаться в отчие дома. Позже выяснилось, что это вовсе не их дома, а ребятишек намеренно готовили для кормёжки Осеннего Скитальца. И ведомо ли тебе, куда он их вёл?..

– Ведомо, – Макошь резко оборвала собеседника, тяжело вздохнула и молча посмотрела ему в глаза, дескать – продолжай.

Витязь сглотнул, но не посмел перечить.

– Это ещё полбеды. Когда я вернулся в селение, меня едва не растерзали живые в гневе за то, что я избавил их от напасти.

– Не растерзали же, – сварливо заметила хозяйка избы.

Кот поморщился, резко сжал кулаки, давя в себе желание ударить по столу, с медленным выдохом неспешно разжал, не сводя глаз с довольной физиономии Макоши. Поди, ей тут и поговорить-то не с кем, их с Дарьей отослали, вот пряха и упивается возможностью измываться

над собеседником, коего днём с огнём не сыщешь – иди, ищи дурня, который полезет за кромку, чтобы чаи распивать, да вести задушевные беседы с той, что живет за частоколом с черепами.

– Не растерзали – выкрутился.

– Вот и славно, мой Котеечка, – Макошь расплылась в улыбке. – Передохнёшь и снова в путь. Много, ой, много ещё трудов твоим железным когтям. Хоть сколько не истребляй гниль из людских и нелюдских голов, а её всё не убывает. Порою мне чудится, что черпаем дырявой ложкой, да вычерпать не можем.

– Так и я о том же, – не выдержав бури эмоций, Баюн вскочил с места. – Зачем их уничтожать, пусть пожрут друг друга.

– Кто? – собеседница подняла брови. – Чудища, которых эхо вражьей ворожбы порождает?

– Ладно б, если эти, – Кот замялся. – Живые и чудища, коих развелось, что пруд пруди.

– Многое ты видывал, – она удручённо покачала головой. – Да не многое узреть сумел. А уразуметь – и того меньше получилось.

– Но они же предали вас! – не сдержавшись, Баюн вскрикнул.

Макошь сурово погрозила ему пальцем.

– Дети Даждьбожьи бредут во мраки лжи, но они всё ещё дети Даждьбожьи. Им нужно помочь, покуда их предки заперты в Ирии.

– Но они пожирают собственных чад!

– Так уж и пожирают?

Баюн потупился.

– Отводят детей с сильной искрой к нему и его слугам, жгут капища и вырезают тех, кто ещё смеет помнить...

– Отводят, значит…

Кот кивнул.

– Всё так и происходит.

Собеседница посуровела.

– Именно поэтому ты нужен живым, мой Котейка.

Катая желваки, Баюн вернулся на лавку. Имея своё мнение по этому поводу, он не смел ослушаться хозяйки, полностью подчиняясь её воле.

– Внимаю тебе, – понуро бросил он.

– Ты уверен, что кормят Колдуна, а не кого-то ещё?

Воин задумался, с прищуром изучая Макошь.

– Когда я был в том поселении, из которого Мряка-Миряка увёл детей, их староста в запале говорил о некой ведьме, что живет за частоколом, над которым возвышаются человеческие черепа, – Кот смолк, изучая окаменевшее лицо собеседницы, и, не углядев и тени реакции на сказанное, продолжил: – Дескать, эта ведьма является матерью всех чудовищ, что ныне бродят по Яви.

– Интересно блохи скачут, – хозяйка избы подняла брови, тут же резко обернулась, будто вспомнила о чём-то поважнее досужих разговоров. Тяжело кряхтя, поднялась со скамьи и заковыляла к печи, из которой слышалось недовольное ворчание варева, часть которого уже давно должно быть покинуло пузатые горшочки и подгорало на углях, обдавая избу запахом подгорелой каши. Макошь взяла ухват и окликнула через плечо: – Подь сюды, подсобишь.

Баюн, как ошпаренный, вскочил с места, обогнул столешницу, шагнул вперёд и едва успел схватить протянутый ему горшочек. Пальцы совсем не чувствовали жара, а это могло значить только одно – хозяйка собирается ворожить.

– Куда поставить?

– Поставить? – Макошь сердито глянула на собеседника. – Руки у тебя отвяли, что ли? Держи, коли дала, да крепко держи, чего доброго на пол расплещешь.

Сама она, держа ухватом второй горшок – изрядно пузатее первого, – спотыкаясь через три-четыре шага, начала ходить по комнате, стены которой раздвигались при приближении хромающей хозяйки. В тех местах, где она

слегка теряла равновесие, из горшочка выплёскивалась вкусно пахнущая жижа, от которой тянуло мёдом, несколькими видами трав и переваренным зерном. С каждым её шагом, горшочек в руках Баюна теплел, горячел всё сильнее. Когда пылающую ношу держать стало совсем невмоготу, Кот ощутил увесистый тычок в спину. В уши ударил сварливый голос:

– Чавой стоишь-то, иди, поставь ношу обратно в печь.

Витязь собрался возразить, но тут же получил второй удар в спину и, стараясь не уронить горшочек, шагнул вперёд, тут же поскользнувшись на разлитой под ногами каше. Часть варева выплеснулось, и Кот, с опаской посмотрев на хозяйку, сделал вторую попытку избавиться от пылающего горшка.

Дальше дело пошло куда быстрее. Баюн скользил на каждом шаге, плескал жижу, которая по запаху отличалась от той, что расплескала Макошь, припадал на колено, рискуя распластаться на измаранном полу, вставал, чтобы тут же вновь потерять равновесие.

– Ох, и Силушки-то в тебе… – довольная собеседница с усмешкой изучала ошарашенного витязя, замершего с пустым горшком. – Не зря, ой, не зря на тебя положил глаз владыка Нави. Токма я ему тебя не отдам. Мне и самой такой Котейка в радость, – она погрозила ничего не понимающему Баюну пальцем. – А ты не зазнавайся, да гляди в оба – потеряешь оставшиеся четыре жизни, даже я не ведаю, к чему это приведёт.

– Не потеряю, – только и сумел выдавить из себя Кот.

– Ты смотри, сколь занятно всё вышло.

Следопыт проследил за её взглядом. Он только сейчас сообразил, что шлепки на полу походят на некую сеть, связанную между собой тонкими полосками, расплесканной им жижи, менее густой, чем разливала Макошь.

– Что это?

– А ты не видишь? – собеседница покачала головой. – Силы много, а проку… – она указала пальцем на кучки

каши, лежащей высокими комьями. – Вот это ещё не разрушенные капища.

– Так мало, – Кот с интересом смотрел под ноги, боясь пошевелиться.

– А эти, – тонкий палец указал на кучки, видимо, летевшие с большой высоты, из-за чего внутри них образовалась пустота. – Разрушены. Сила из них выкачена, да ко всему на место прежнего чура поставлено идолище Чародея, будь он неладен.

– И… – Баюн открыл рот, но шикнувшая Макошь не позволила ему продолжить.

– То, что сумел почуять ты, – она указала на соединённые меж собой шлепки. – Конечно, не без моей помощи. Это связь меж некоторыми разрушенными капищами вот с этим.

Лазутчик посмотрел туда, куда указала хозяйка, и ахнул, удивляясь, как он сам не заметил, что часть шлепков соединены между собой и, более того, эта связь тянется к центральной, самой большой из всех куч.

– Ты полагаешь – это и есть Матерь Чудовищ?

– Не ведаю, – Макошь тяжело опустилась на скамью. – Но знаю точно, что нам нужно найти все источники Силы, подпитывающие Чародея. Будь это Матерь или ещё что. Найти и обрубить чёрные щупальца, соединившие между собой.

– Я справлюсь, – Баюн подошёл к хозяйке.

– Погоди ты, – собеседница взяла спутника за запястье. – В этот раз тебе стоит получше подготовиться.

– Ведаешь о неизвестной мне напасти?

– Чую, – уклончиво ответила пряха. – Не только люди встают под длань Колдуна. Многие из обитателей Великой

Сварги, оставшиеся в отколовшейся Яви, приняли в себя всеразъедающую плесень и стали опасны не только для живых, но и для тебя. Потому, прежде чем выдвинуться в путь, собери с собой трав, что могут помочь в деле.

– Матушка, какая трава – осень на дворе.

Макошь недовольно зашамкала губами.

– Это в Яви осень. А тут, – она наставительно упёрла перст в потолок, – место без времени. – Он хотел съязвить: «От чего же ты стареешь, хозяюшка? Коли времени тут вовсе нет». Она готовилась ответить: «Навь пьёт мою Силу, Котеечка», но сказала иное: – Привыкай, мохнатый. Неподалеку от частокола, если выйти из ворот и пройти прямо, а затем на третьей развилочке свернуть налево, найдёшь полянку. А чем она тебя одарит – тому и будь рад.

– Целая поляна желаний, – фыркнул воин.

– Она самая, – лукаво улыбнулась пряха, нехотя добавив: – Будь повнимательнее. Поляночка та, хоть и находится за кромкой, но граничит с миром живых.

Баюн кивнул, поднял шлем и в тишине вышел из избы. После того, как дверь затворилась, Макошь процедила сквозь зубы, устало глядя на растекающуюся по полу кашу:

– Кота, что ли, завести? – она усмехнулась. – Он бы у меня тут живо всё вылизал… или лучше порося?

* * *

Податливая трава омывала босые ступни холодной росой. Агния не боялась холода, особенно когда её переполняла Сила – внутренний огонь отлично согревал девочку. Ворожея носила одежду, чтобы не выделяться из толпы. Она так и сбежала из хлева, в котором проснулась после тревожного видения, схватив лишь лежащий под ней овчинный жилет, да любимую, доставшуюся от матери, шапку, не решившись тратить время на поиск кожаных сапожек, краденных, как и всё её нынешнее одеяние. Странная парочка, тяжело сопевшая подле неё, не заметила

ранней побудки. На краткий миг воровка коснулась рукояти ножа, почему-то оставленного похитителями на поясе, но не стала рисковать, понимая, что вряд ли сладит обычным железом с парнем, на груди которого ворочался голодный зверь.

Ласковое осеннее солнце нежно касалось щурившихся глаз тёплыми лучами, порождая тоску в сердце – Сила оставалась недоступна ворожее. Неужели виной тому случившаяся близость с бездной или всё это из-за кошмарного сна, из которого она еле выбралась?

– Интересно, кем была привидевшаяся мне старушенция?

Вопрос: кто такие похитившие её парень с девушкой – ворожею волновал чуточку меньше. От неведомой старухи веяло Силой, как и от дома, в котором девочка ненароком очутилась. Искра карги была поистине неисчерпаемой. Агния поняла это лишь проснувшись, отчего сейчас кусала свои губы, коря себя за быстрый побег из мира грёз. Нужно было остаться и всё тщательно выведать. Чувствуя себя рыбой на льду, юная чародейка желала отведать чужого могущества, надеясь, что сумеет совладать с полученной мощью.

Прислушавшись, путница остановилась, с прищуром оглядывая окружавший её лес. Стук, который она изначально приняла за работу дятла или нескольких дятлов, усилился, звучал гораздо отчетливее, позволяя девочке понять свою ошибку – впереди орудовали топоры дровосеков. Агния прислушалась к ощущениям. Зарождающееся в груди тепло влекло её в том направлении. Воровка сдвинула шапку на затылок, поправила непослушные волосы, норовившие закрыть рыжими локонами очи. Встречаться с людьми, от которых веяло затаённой опасностью, не хотелось.

– К лесорубам не пойдём, повернём и обойдём, – невесело промурлыкала Агния, оглядывая близлежащие заросли колючего кустарника.

Замершие деревья встретили её неприветливой тишиной. Чудилось, что это вовсе не лес, а поверженный воин, из которого уходят все жизненные соки. То там, то тут на широких стволах проступала въевшаяся в кору гниль. Идти по бурелому оказалось куда как сложнее, чем по заросшей, но ещё пригодной тропе. Ветки поваленных деревьев и лежащие на земле сучья то и дело пытались пронзить босые ноги ойкавшей чародейки.

– Спалить бы тут всё!

Юная ворожея принюхалась, сжала губы, уловив в затхлом запахе, скопившемся по ямам да канавам, наполненным тухлой водой, едкий смрад плесени и затухающей Силы, сродни той, что жила в её груди. Гнилой душок, ровно как и отголоски неведомой мощи, доносился от места работы дровосеков. Агния прошла ещё несколько сот шагов, пока окончательно не смирилась – не обойти. Вырубка, с которой доносились настойчивый стук, окрики и задиристый гомон, манила её к себе, вынуждая невольно идти не вокруг злосчастного места, а к нему, двигаясь по сужающейся спирали.

Воровка, перестав противиться внутреннему позыву, натянула шапку на глаза и неспешно направилась к людям, с наслаждением ощущая, как Сила возвращается к ней, и представляя себя задыхающейся рыбой, которую наконец-то спихнули обратно в полноводную реку. С каждым шагом искра разгоралась ярче, лес становился безжизненнее, а запах плесени въедливее.

– Эй, смотрите, какую нам славную лесавку принесло!

Зычный окрик, раздавшийся из-за спины, застал врасплох. Чародейка вздрогнула. Она планировала незаметно подкрасться к вырубке и всё внимательно осмотреть. Не вышло – стоявший позади неё лесоруб, небрежно подвязывающий штаны, сорвал её планы.

– Сом, а ты везучий.

– И то верно, пошёл до ветру, а вернулся с дочкой лешего.

Лесорубы побросали работу, с интересом оглядывая съежившуюся Агнию. Девочка беглым взглядом осмотрела выкошенную поляну, которую бородатые мужики расширяли, вырубая деревья и выкорчевывая пни при помощи тяжеловесных волов, по взмыленным спинам которых стекали крупные капли трудового пота.

– Да ты не пужайся, что нас много, – крепкая рука Сома легла на хрупкие плечи. – Проходи, неспроста же пришла.

Лесорубы лыбились, довольные тем, что появился повод отлынить от работы и немного передохнуть. Рослые и крепкие, они поправляли шапки, почесывали волосатые животы, с жадностью глядя на неведомое диво – вышедшую из леса девку.

– Рыженькая!

– Молоденькая.

– Да ты не робей, мы же знаем, для чего лесавки к парням выходят.

Под общий гогот Сом резко толкнул девочку вперёд, бросив небрежно:

– Не боись, потешимся и домой отпустим. Много-много внучат деду-Лешаку принесёшь. Ой, он рад будет! Глядишь, в следующий раз снова к нам отправит.

Шапка слетела с упавшей в грязь девочки, обнажая рыжие пряди, растекшиеся ручьём по вздрагивающим плечам. Агния не плакала, отнюдь – она смеялась навзрыд. В одежде мальчика воровка выглядела куда моложе своих лет, будучи по мальчишеским меркам худой и узкоплечей, да и в сравнении с пышногрудыми ровесницами, которые уже ней успели надеть на чело брачный венец[6] и завидно выделялись на её фоне. Ворожея прекрасно понимала, о чём гогочут лесорубы, но не боялась грядущего – подрагивающие пальцы чародейки покалывали тоненькие ручейки расплескавшейся по поляне Силы.

---

[6] Средний возраст создания семьи был 14–16 лет и мог колебаться в зависимости от исторического периода и ряда внешних факторов.

– Гляди, Сом! То не мохноногая лесавка, то обычная девка.

– Тем лучше.

Мужики смолкли, с недоумением глядя на разгорячённого товарища.

– А ежели она старосте доложит?

– Не доложит, – хищный оскал скользнул по губам лесоруба.

– Как так?

– А кто её опосля отпустит? – Сом утёр зачесавшийся нос. – Мало ли дурёх каждое лето пропадает по лесам да болотам!

– Ты что надумал? – донеслось с задних рядов, напирающих на передние – всем хотелось получше рассмотреть нежданную гостью.

– Никак лихое учудить?

– Полыбились и довольно, а девчонку не пужай, лучше накорми, да дорогу верную укажи, чтобы шла подобру отседа.

– А ты, Мокроус, – Сом усмехнулся, вопросительно оглядывая дружков, которые кивнули предводителю – дескать, ты начни, а мы пойдём за тобой, – никак один решил потешиться? Нас одурачить, девку отпустить, а потом через пару вёрст нагнать и сделать дело?

– Да ты…

– А что я?! – парень сжал кулаки, с вызовом глядя на вставшего против него противника, одного из самых старых лесорубов, к которому совсем недавно бегал за советом. – А ты, Мокрый Ус, не подумал, что эта деваха тут делает? Почему околачивается? Ни туеска, ни корзинки у неё нет. Или забыл, где мы находимся?

Толпа зароптала, опасливо озираясь.

– Ты это… – старик отступил на шаг, боязливо взглянув на девчонку, которую только что желал защитить.

– Что это?! – Сом разошёлся не на шутку. – Решил ведьмочку защитить, которая к идолищу своему поганому в

гости пришла? – парень прищурился. – Может, ты и сам?.. – лесоруб резко перевёл взгляд на Агнию, не прекращающую хохотать, злобно рыкнул: – Замолкни уже! – и ударил девочку ногой, стремясь попасть ей в распахнутый рот.

Ворожея качнулась в сторону, уворачиваясь от удара, затем резво повернулась к плюхнувшей в грязь ноге и, злорадно улыбнувшись, схватила лодыжку обидчика, прошептав:

– Поделом тебе, раб!

Сом отреагировал не сразу. Первые мгновения лесоруб ошалевшими глазами наблюдал за тем, как пламя поднимается к колену и перетекает к животу. Только тут он дико заорал и начал метаться горящим факелом, распугивая улепётывающих от него товарищей. Мужики бежали сломя голову, натыкались друг на друга, спотыкались о пни и коряги, падали, расплескивая грязь, вскакивали, чтобы через несколько шагов вновь оказаться в грязи, обильно смоченной ночным, непонятно откуда взявшимся дождём – на закате на небе не было ни тучки, как и на рассвете, загадочный дождь пришёл с чистого неба.

Агния медленно поднялась. Упиваясь свалившемся под ноги могуществом, она продолжала черпать разлитую по полу Силу, догадываясь, кому принадлежало выкорчеванное капище. Ворожея встала на цыпочки, желая оглядеться и выяснить: цел ли ещё низвергнутый чур Сварога, повернула голову в сторону и содрогнулась, встретившись с зияющей пустотой, хищной червоточиной выступающей из-под тёмного капюшона.

Обнажив угольно-чёрный клинок, к ней неспешно шёл ищущий.

* * *

Вертлявая тропа ни в какую не давалась, ускользала из-под ног взбешенного путника. В первый раз Баюн только на десятом шагу обнаружил, что ступает не по заброшенной

тропинке, хотя всё ещё заметной, а по зарослям колючего кустарника, пытающегося оцарапать его агатово-чёрную броню. Второй раз ему хватило трех шагов. Дальше Кот шёл не торопясь. Но сколько бы он ни вглядывался в извилистую нить, пронизавшую чащобу, сколько ни водил пальцем у себя под носом, стараясь не пропустить момента, когда тропка неожиданно исчезнет – всякий раз оказывался либо на обочине, либо в кустах, после чего озирался, пытаясь углядеть: куда в этот раз свернула своенравная тропка. Окончательно выйдя из себя, Баюн подобрал в зарослях длинный прут, упер его свободным концом в землю и зашагал вперёд, отслеживая момент, когда изогнутый кончик прутика против его воли окажется у края дороги. Не дождался.

– Гляди-ка, получается! – воскликнул следопыт.

Но стоило только Баюну порадоваться победе над своенравной тропинкой, он тут же очутился в кустах, едва не налетев на едва заметную преграду – слабую дымку, переливающуюся игривыми огоньками. Кот нахмурился, с сожалением понимая, что к этому безжизненному огню праправнучка Сварожича не имеет никакого отношения.

– Кромка…

Охотник в последнее время частенько слышал от живых о подступающем временами тумане, который рождал выходцев с той стороны и в котором пропадали люди, порою выходя через несколько седьмиц, полагая при этом, что зашли в пелену всего лишь на несколько мгновений. Были и те, кто исчезал насовсем. Попадали они в Навь или гибли на огненной реке – Баюну было не ведомо. Отбросив размышления, воин прищурился, отшагнул, с опаской изучая пульсирующую преграду. На мгновение ему показалось, что из пелены на него смотрят глаза. Пара, нет две или… три пары нечеловеческих глаз, от которых веет чем-то давно забытым.

– Горыня?

Имя мальчишки, который едва не стал обедом Полудницы, само всплыло в его голове. Не понимая, почему он вспомнил о давнем знакомце, который, вероятно, уже давно ушёл в Ирий к своей матушке, если не попался на уловки Колдуна, следопыт потряс головой, пытаясь отбросить навязчивую мысль и прийти в себя – получилось с трудом. Сделав несколько неловких шажков назад, Баюн понял, что находится на злосчастной тропе, которая растянулась прямой стрелой, словно приглашая пройти по ней. Спутника Макоши кольнула запоздалая догадка. Витязь ринулся обратно в заросли, но, пробежав достаточное расстояние, не обнаружил пелены. Чутьё подсказывало – дальше брести сквозь бурелом не было смысла – кромка закрыта или вовсе ушла в другое место. Как и почему это произошло, оставалось за гранью понимания, как и то, что же всё-таки было: попытка выставить его из мира Чернобога или дарованная возможность побега, которой он не воспользовался?

Следопыта передёрнуло. Содрогаясь от нахлынувших воспоминаний, он в реальности ощутил нестерпимый жар огненной реки, вставшей у него на пути непреодолимой преградой, когда до избы Макоши оставалось всего ничего. Зов хозяйки гнал его вперёд, требуя миновать смолянистую реку, плюющуюся огнем. Звериное чутье настаивало на скорейшем бегстве от пылающего русла, извивающегося хищной змеёй. Долг пересилил страх. Превозмогая себя, Кот шагнул на край опалённого берега и занёс ногу, не совсем отдавая отчета в своих действия. Неожиданно под его ступней образовалось тёмное, на вид прочное, пятно. С трепетом в груди лазутчик встал на затвердевший участок огненной реки, с удивлением наблюдая за дорогой, которая простиралась перед ним и вела на тот берег, – Навь приняла блудного пасынка.

Погруженный в свои мысли, Баюн шёл по тропе, которая и не думала сбегать, словно исчерпала весь запас коварства. Первая развилка бросилась под ноги загнанным зверем,

надеявшимся найти спасение за спиной незнакомца. Ответвления дороги манили мрачной неизвестностью, но Кот стоически поборол в себе желание разведать, что таится во мгле тяжелого елового леса, и зашагал вперёд, ненароком вспомнив о навьих гончих. Понимая, что трехглазыми оленями были зачарованные купцы, путник всё же оглядывался, внюхиваясь в сырой аромат и остерегаясь нападения из-за окруживших его деревьев.

Нападения не последовало. Вместо неизвестных татей вынырнул второй перекресток, но наученный встречей с первым, следопыт не стал вглядываться в уходящие тропки, а быстро прошмыгнул мимо, чтобы тут же выскочить на третью развилку. Баюн пригляделся: издали ему казалось, что он бредёт именно к развилке, но стоило только до неё дойти, как правая тропинка сгинула, будто её и вовсе не было. Охотник озадаченно повертел головой – не могла же Макошь ошибиться? И, тем паче, заведомо обмануть… Или могла?

Витязь отчётливо видел происходящие с хозяйкой изменения. То, что она сотворила, шло в разрез с его пониманием. Но кто он такой, чтобы спорить с Прядильщицей? Кот облизал нечеловеческим шершавым языком губы и свернул налево, не замечая, как за спиной проступает правое ответвление дороги. Впереди ждала поляна чудес или чудесная поляна – он ещё не решил – а значит, не стоит печалиться. Баюн улыбнулся невольной мысли, тщательно прислушиваясь к происходящему вокруг него. Звериное чутьё молчало, говоря о том, что опасности поблизости нет, отчего становилось тошно – Кот не верил, что прогулка по Нави окажется для него лёгкой.

Ничем не примечательная поляна показалась из-за деревьев сначала одним боком, затем вторым и нехотя открыла свой простор нежданному гостю. Следопыт оглядел её. Разочарованно сморщился – ничего примечательного или редкого, что можно было бы использовать против порождений Чёрного Колдуна. Баюн

снял шлем, вдыхая аромат луговых цветов. За кромкой царила поздняя осень, а тут… нет, не лето – безвременье. Хочешь – тебе поляна с цветами, хочешь – снега воз – чуден и прекрасен мир Чернобога. Кота передёрнуло от этой мысли. Руки потянулись к мечам, так, на всякий случай, но пальцы не успели обхватить рукоять.

– Одолень-трава! – лазутчик присвистнул.

Баюн оглядел поляну внимательнее, с удивлением обнаружив то, что не заметил при выходе из леса. Подле дальних деревьев высился вырезанные из толстого бревна чур. Подойдя ближе, лазутчик внимательно осмотрел суровое человеческое лицо, поверх которого скалилась морда медведя. У Кота не возникло сомнений, кому посвящено заросшее бурьяном капище. Следопыт прищурился – следов разрушения или попыток уничтожения изваяния не наблюдалось. Рабы Колдуна не добрались до этих мест, что не удивительно – кромка надёжно укрыла ветшающий чур. Воин принюхался, прислушался к своим ощущениям. На поляне жила Сила. Не крупицы былой мощи, что загнивают на заброшенных капищах, становясь добычей ищущих, а живая, пульсирующая Сила.

– Надо же! – Баюн раздвинул рукой высокие стебли. – Понятно, почему одолень-трава так буйно разрослась в этом месте.

Изумрудные глаза с восхищением смотрели на крохотный фонтан, рвущийся из земных недр сбоку от изваяния. Сразу пришла на ум старинная легенда о волшебном цветке, что супротив любой нечисти использовать можно. Этот цветок сама Мать Сыра Земля с живой водой породила – оттого равна у него Сила на водяниц и на поляниц. Живая вода рвалась из земли и устремлялась к деревьям, теряясь в густых зарослях. Баюн не выдержал, подставил рот. Живительная влага растеклась по телу, наполняя его бодростью.

– Эх! Вот такой бы водицы, когда Сила уходит из тела, после слишком мощной ворожбы.

Сказано – сделано. Кот снял с пояса полупустую флягу, опорожнил и подставил под ключ, с трепетом наблюдая, как сама жизнь втекает в кожаную ёмкость. После того как она наполнилась, лазутчик бережно заткнул плотную крышку, стараясь не пролить ни капли, и повесил флягу на место.

Настал черёд травы. Ловкие пальцы аккуратно срывали цвет, собирая его в поясную сумку. Времени на сушку не было. Баюн работал аккуратно, но быстро. Смутное чувство тревоги вынуждало его то и дело оглядываться. Стараясь не повредить стебли, по которым тёк жутко ядовитый густой сок, следопыт обшаривал заросли в поисках оставшихся цветов, когда на его запястье легла ниточка спустившегося с дерева вьюна. Витязь не обратил внимания на растение и, сбросив его, продолжил поиски, копошась под широкими ветвями могучего вяза. Вьюн вновь лёг на запястье, обхватил его, пытаясь удержать. Куда там. Невольно одернув рукой, Кот, не обращающий внимания на происходящее, с лёгкостью порвал стебель. На место одного пришли десяток вьюнов. Хочешь – не хочешь Баюну пришлось посмотреть на руку. В это время и вторую руку прихватили цепкие стебли. Воин оскалился, грозно рыкнул, попытался вырваться, но сотни зеленых нитей начали оплетать его тело. Кот заметался, пытаясь выхватить меч, но тут же бессильно повис в воздухе, скрученный по рукам и ногам.

– Решил испить водицы? – медленно двигаясь из ветвей проступила зеленая физиономия с оскаленными белыми клыками. – Испил ты, позволь, испью и я.

Тонкие пальцы, из которых исходили веточки вьюна, коснулись бармицы[7], прошлись по холодной кольчуге и резким движением одернули её вверх, сбрасывая шлем.

---

[7] Бармица – элемент шлема, в виде кольчужной сетки, обрамляющей шлем по нижнему краю.

– Оплетай! – Кот хищно оскалился.

– Оплетай? Да, так меня называют живые.

Пленившее Баюна существо ощерилось, выпуская наружу длинные клыки, и, отогнув голову обездвиженной добыче, попыталось укусить шею жертве. Их взгляды встретились лишь на краткий миг: жаждущие Силы неживые очи навьего жителя и плещущие Силой бельма спутника Макоши. Кот вложил в удар всю имеющуюся мощь. Оплетай сумел лишь слегка оцарапать шею и замер с раскрытой пастью. Баюн тяжело выдохнул, прикрыл веки, возвращая закатившиеся очи на место, и судорожно размышлял, как выпутаться из сковавших его пут. Дёрнулся, пытаясь раскачаться, и рухнул вниз – лишившись воли хозяина, вьюн превратился в вялый стебель, не могущий удержать добычи.

Потерявший толику Силы Кот ринулся к живой воде и начал жадно глотать, с восторгом ощущая возвращение потраченной мощи. Не упустив момент, когда Оплетай начал шевелиться и попытался скрыться в ветвях, охотник выхватил меч и, пробежав по стволу, прыгнул вверх, хватаясь за ускользающий вьюн, к которому возвращалась былая цепкость. Выкованный Сварогом клинок бил без промаха. Оплетай неразборчиво заверещал и тут же замолк. Желая убедиться, что тварь безвредна, Витязь спрыгнул вниз, увлекая противника за собой. Ударившись оземь, нежить застонала, кинулась в траву, но клинок прервал эту попытку. Оплетай окончательно замер и начал таять, оставляя после себя на земле неказистый цветок. Выпучив глаза, Баюн выпустил клинок и, припав на землю, сжал уши, на мгновение опередив дикий рёв, разнёсшийся по округе.

– Ревенка! Это ревенка! – просипел спутник Макоши, не веря своей удаче.

Неказистый цветок оказался не чем иным, как ревенкой – растением даже более ценным, чем одолень-трава. Ревущее по утренним и вечерним зорям, оно могло вывести

на чистую воду любую нежить, решившую вселиться в живого или зачаровать его. С трудом выдерживая надрывный звук, проникающий даже сквозь плотно сжатые уши, Кот упал на бок и метким движением ударил ногой под корень, стараясь не повредить цвет.

С внезапно исчезнувшим рёвом пришло непонимание: почему Макошь не предупредила его об Оплетае? Не ведала о древесном охотнике или ведала, но решила лапами Кота избавиться от нежити, поселившейся подле заветных источников? Или?.. Баюн поспешно прогнал предательскую мысль, с тревогой отмечая, что Навь способна исказить даже изгнанницу из Прави.

Положив ценную добычу в суму, следопыт невольно поднял голову и встретился с тьмой, игриво плещущейся в немигающих очах громадного чёрного ворона, сидящего на верхней ветви злополучного вяза.

– Кар мной, – бросил властитель Нави и, расправив широкие крылья, пронзил невесть откуда взявшуюся тут кромку, переливающуюся пёстрыми бликами.

Баюну ничего не оставалось, как последовать за Чернобогом, зовущим его в поглощаемую сумерками Явь.

* * *

– Ведьмучка лихоманская!

– Отрыжка тёмного леса!

– Выродок лживых божков!

Агния с трудом поднялась, едва сдерживаясь, чтобы не зарыдать. Утёрла грязь с лица, в которую плюхнулась после удара ищущего – враг не рубил мечом, бил плашмя, желая поиграть с трепыхающейся жертвой, – зло зыркнула на лесорубов. После вмешательства слуги Господина визжащие мужики опомнились и, опасливо глядя друг на друга, похватали брошенные топоры, палки, кое-кто и выкорчеванные коряги, окружили широким кольцом девочку, но не приближались, страшась судьбы сгоревшего

Сома. Она бы с радостью испепелила их, благо Силы, растёкшейся по изувеченному капищу, было достаточно, но, до сих пор не отделавшись от страха вновь безвозвратно потушить с трудом разожженную искру, старалась не расходовать её понапрасну, бросая все силы на ищущего.

– Сома, братца нашего, извела…

– Встретили, понимаешь, как гостью дорогую, за стол хотели посадить…

– Изруби её, изведи проклятую!

Ищущий не спешил. Ему были безразличны крики лесорубов – рабов той Силы, частью которой он являлся. Постепенно загоняя чародейку к центру выкорчеванного капища, он не стал бы мешать ворожее, реши она сжечь живых, больше того, он рассчитывал на это и потому переполнялся гнилой ненавистью, оттого что девчонка не оставляла бесполезные попытки навредить ему, вместо того чтобы выместить бессильную злобу на обидчиков. Являясь одной из тысячи теней Пленника, сумевшей вырваться из темницы в мир Явный, он загодя почуял приближение ворожеи и подготовил капкан, расплескав крупицы украденной мощи. Гниющее в нём могущество во сто крат превосходило крохи, которые оголодавшее естество девочки приняло за щедрый пир.

– Воды, воды несите, затушим эту чадящую головешку, во славу Господина!

– Какой воды, топора ей!

– И то верно, бей ведьмучку!

– Сам бей…

Горящее в груди пламя подсказало Агние, в какой момент стоит пригнуться. Её тело, желающее кружиться в безудержном танце, само ушло в сторону, пропуская летящий топор, довольно метко брошенный ей в спину. Девочка с замиранием сердца смотрела, как ищущий небрежно отбил устремившийся в него инструмент, и, стиснув зубы, кинулась вперёд, размыкая сжатые на груди ладони, из которых вылетел пылающий шар. Ищущий

небрежно повернул клинок, нанизывая летящий в него огонь, который, закашляв едким дымком, растекся по лезвию. Ворожея с досадой смотрела на затухающие язычки, крупными ошмётками стекающие в грязь.

Тёмный усмехнулся, опустил кончик клинка в хлюпающую жижу и резко метнул её в сторону вскрикнувшей девочки. Агния с тревогой наблюдала, как в том месте, куда свалился шлепок, поднимается грязевой сгусток, принимающий человеческую форму. Запахло плесенью, да так едко, что сморщившиеся лесорубы попятились, поспешно затыкая носы. За первым шлепком последовал второй, третий.

Смердящая гнилью грязевая армия неспешно двинулась на опешившую чародейку, которая, растопырив пальцы, яростно впитывала в себя остатки расплескавшейся Силы. Утробно чавкая едва разлипающимися пастями, порождения ищущего кинулись к девочке, которая тут же выставила левую руку вперёд, высушивая ближайшего врага, а правой нанесла резкий удар, разнося затвердевшую грязь, и, запрыгав на одной ноге, по-детски запищала:

– Ой, мамочки, ой, как больно.

Но тут же опомнилась и, до крови прокусив губу, высушила второго и третьего нападающего, хлестко пнув босой ногой сначала одного, затем второго. Застонала, всхлипнула, и кинулась навстречу следующему, не позволяя грязевым чудищам зажать себя в кольцо. Видя, с какой лёгкостью девчонка расправляется с его воинством, ищущий, вложивший в заклинание сгнившие душонки продавшихся живых, недовольно зашипел, понуждая свои создания двигаться быстрее.

Не желая попадаться в липкие лапы грязевиков, Агния ускорилась. Экономя Силу, она всё так же лихо разбивала замирающих противников. Тяжело дыша, девочка металась из стороны в сторону, уворачивалась от слизких пальцев и неистово била, задыхаясь от боли и постепенно переставая чувствовать разбитые костяшки рук, опухшие голени и

пятки, которыми норовисто превращала сломленных грязевиков в едкую, поглощаемую слякотью пыль.

Онемевшие руки с каждым разом били всё медленнее. Исчерпав всю расплескавшуюся Силу, капище перестало питать ворожею, которая с трудом остановила очередного противника. Понимая, что она больше так не выдержит, Агния увернулась от очередной попытки схватить её за горло и, быстро осмотревшись, кинулась бежать, выбрав для прорыва наиболее малочисленную группу лесорубов. Завидев сиганувшую к ним чародейку, мужики попятились, выставив перед собой топоры и коряги. Самый отчаянный метнул в девочку выкорчеванный пень, но та легко увернулась от неумело брошенного снаряда.

– Прочь с дороги, предавшие пращуров!

Лесорубы метнулись от неё, как от огня. Хорохорясь перед ищущим – а то чего доброго решит, что они помогают чародейке, да и вытянет из них все жилы, – они вовсе не желали вступать в схватку с проклятущей ведьмой, абсолютно не понимая, что от неё можно ждать.

Прыгая через сложенные друг на друга бревна, огибая сдвинутые с места, а порою и разбитые валуны, доселе окружавшие чур, Агния стремилась к спасительному, как ей казалось, лесу. Когда чародейке почудилось, что она вырвалась и до безжизненных зарослей осталось всего ничего, липкая жижа обхватила её лодыжку. Ворожея дернулась, поняла, что происходит, и, не жалея, ударила огнём по небрежно вылепленной из грязи руке. Жижа зачавкала, отпуская пленницу, но тут же сковала другую ногу. Не давая беглянке высвободиться, пышущая плесенью слизь обхватила свободную ногу и потянула в разные стороны и вперёд, роняя девочку спиной в жижу.

Агния затрепыхалась раненой куропаткой, пытаясь улизнуть, но десятки липких рук обхватили её тело и подняли вверх, не дав шанса вырваться. Девочка потянулась к Силе, но наткнулась лишь на глухую стену, отрезавшую

её от собственной искры, повернула голову и уткнулась во тьму, пульсирующую под надвинутым на лицо капюшоном.

– Ты станешь отличным подарком Господину.

Агния поморщилась от протяжного гула, который искажал голос недруга.

– Не дождёшься!

Ворожея попыталась плюнуть в лицо обидчика, но грязевые руки тут же заткнули её распахнутый рот, отчего девочка едва не захлебнулась. Не обращая внимания на потуги намеченной жертвы, ищущий бросил понурым лесорубам, ждущим неминуемой расправы за свою трусость:

– Ройте яму.

– Куда будем вкапывать? – спросил Мокроус, шагнувший из толпы с подобострастным поклоном.

– На то место, где стоял прежний владетель сей поляны.

Лесорубы немедля бросились исполнять поручение. На месте остался лишь старик, нервно теребящий пояс.

– А с девой что делать?

– Я уже сказал, – ищущий усмехнулся и навис над девочкой. – Она станет подарком Господину. Её тлеющая искра ляжет в основание врытого образа нашего повелителя и будет охранять это место от посягательств недобитых сторонников старых богов. Ты хорошо меня понял, раб?

– Понял, понял я… – Мокроус потоптался на месте и, коря себя за бессилие, направился к товарищам.

Едва не задыхаясь, Агния судорожно глотала воздух. Когда ищущий наклонился над ней, дышать стало чуточку легче. Не веря себе, ворожея почуяла в слуге Господина пульсирующую Силу, которая пыталась вырваться наружу. Искажённую, словно заляпанную грязью или плесенью, но всё же знакомую Силу, сродни той, что она черпала, очутившись на поруганном капище. Хватило одной лишь мысли, едва заметного движения губ:

– Иди ко мне…

* * *

Освирепевшая мгла пыталась ухватить колючей дланью огромного чёрного кота, несущегося сквозь темень, навалившуюся на заросший лишайником лес. Гибкое тело зверя, не уступавшее размерами массивному вожаку волчьей стаи, сбежавшей при появлении чужака, ловко уклонялось от смертельных объятий ночи, воцарившейся на границе двух миров: мира живых и Нави – царстве Чернобога.

Рычащей от злости тьме чудилось, что намеченная жертва вовсе не замечает её отчаянных попыток или же бегун решил поиграть в кошки-мышки, позабыв о назначенной ему роли добычи, и потому несётся во весь опор, легко скользя меж стволов деревьев, умело проскальзывая под повалившимися стволами, а порою и возносится над ними, когда проскочить снизу не получается. Темень скребла заточенными когтями воздух, в очередной раз с досадой промахиваясь. Порою ночи всё же удавалось вцепиться в густую шерсть, но сил обуздать вторгшуюся в её пределы сущность уже не оставалось. Мгла так и висела на загривке бегуна, развеваясь зловещим плащом, укрывающим своего носителя от посторонних глаз, пока бессильно не разжимала хватку, чтобы вновь устремиться в погоню, безуспешно пытаясь поглотить противника.

Чуткое зверьё разбежалось с пути взмыленного Баюна, принявшего кошачий облик. От Кота веяло Навью. Пропитанный Миром-за-Кромкой, он сам стал её частью, остриём клинка, готового вспороть сморённую ночной прохладой Явь. Перевёртыш словно впервые ощущал свою Силу, пульсирующую под гнётом оставшихся четырёх оков – ржавых обручей, сковавших распухшую бочку, в которой зрело и бродило варево, готовое разорвать преграду, выплеснуться наружу и заплескать притихший мир живых. Явь дрожала от страха, Явь панически бежала и не могла

сбежать, застывая в судорожном ступоре, когда мохнатые не различимые во тьме лапы вступали на тропу, всё дальше и дальше уходя от границы, следом за спешащим вперёд Вороном.

Баюн не видел Чернобога – слишком тёмен был властитель Нави, сливающийся с ночью – его верной глашатой. Но охотник прекрасно чуял пульсирующую над головой Силу, тёмная искра которой была сродни его естеству, переродившемуся после похода к Макоши. Сбиться с пути было невозможно, он сам стал тропой, по которому шли призрачные легионы Нави, ведомы названным воеводой, до сих пор противящимся столь почётной роли в разыгрываемом Силами лицедействе.

Непреодолимое желание скинуть все оковы, сдерживающие мечущуюся в груди Силу, терзало спутника Макоши, понуждая бежать всё быстрее и быстрее. Баюну нестерпимо хотелось догнать парящего впереди Чернобога и слиться с ним, вернувшись в родную юдоль, с которой он был некогда разлучён. Следопыт из последних сил давил в себе этот порыв, понимая всю пагубность желаемого результата, но естество брало верх, дурманя голову и заставляя лапы бить по траве всё с большей прытью. Кот замечал, что начинает терять себя, мысленно сливаясь с властителем Нави. Порою ему чудилось, что он смотрит на землю глазами Ворона, ощущает свист ветра, толкающего массивные крылья вперёд и вверх. В эти мгновения по телу растекалась блаженная нега, с жадностью впитываемая мускулистым телом, которое хотело ещё и ещё и с радостью бы избавилось от путающихся под ногами жизней, ради возможности слиться с естеством Ворона. Разум охотника, из последних сил сдерживающий зверя в узде. Баюн понимал, что угодил в ловушку, опрометчиво последовав за Владыкой Нави, но уже не мог ничего сделать, только лишь уберечь самого себя от последнего шага в бездну, к которой он несётся, следуя за чёрным вороном.

Лес постепенно густел, укрепляя броню бурелома, грозящего в скором времени стать вовсе непроходимым. Перекинуться в птицу? Нет. Кот чуял, что Чернобог не потерпит рядом с собой иного летуна. Наткнуться бы на тропу… Баюн фыркнул, с жадностью глотая воздух. Усталость брала своё – сколько он пробежал? Обычный кот, даже такой же массивный и жилистый, как он, давно бы издох от нещадного темпа. Спутник Макоши не был обычным. Он и котом-то стал по прихоти Велеса, который своей лапой запечатал Силу, собранную в момент творения Единой Сварги, в облике пушистого мурлыки. Силу – желавшую воссоединиться со своим естеством и рвущуюся наружу. Баюн с содроганием осознавая, что четыре оставшиеся печати – сдерживающие Хаос оковы – надламываются, грозясь растрескаться и развеяться пылью, высвобождая украденную мощь ночи, рьяно желающую занять своё законное место в разрушенном изначальным светом миропорядке. С тревогой понимая, что Навь стремится стать единой и неделимой и заменить расколотую Сваргу, Баюн с удивлением почувствовал, что пульсирующая над головою искра исчезла, погружая притихший лес в непроглядную тьму, которая таки сумела нагнать спутника Макоши, неожиданно сбавившего темп.

Кот остановился, огляделся, принюхиваясь, и встал на ноги, приняв человеческий облик. Изумрудные глаза охотника, слившегося с ночью, недоверчиво изучали валежник, окруживший тонкую ниточки заросшей тропы, которую всё же удалось разыскать. Точнее, она сама нашла перевертыша и выпрыгнула под ноги, уподобляясь своим сёстрам из-за кромки. То, что Баюн изначально посчитал за лежащие на земле стволы деревьев, сучья и ветви, при детальном рассмотрении принимали иные очертания.

Ощущая себя в кошмарном сне, лазутчик медленно двигался по ниточке тропы, стараясь внимательнее изучить застывший в ожидании лес. Нет, он не страшился увиденному, отнюдь – он сам создавал нечто подобное, но

далеко не в таком количестве. Страх вызывал голод, льющийся на тропу. Воин поморщился. Если ему не изменяют память и чутье, то он приближается к тому самому месту, в котором, по мнению Макоши, и притаилась Матерь Чудовищ. Следопыт невольно присвистнул, коря себя за опрометчивость – Баюну не хотелось пополнить ряды окружавших его изваяний.

Лазутчик скользнул вперёд и вздрогнул, вперившись в распахнутые от ужаса глаза и немой крик застывшего изваяния, некогда бывшего человеком. Окаменевшие люди окружали его со всех сторон. Маленькие и большие, молодые и старые, они, словно замершие стражи, мелькали средь деревьев, будто ожидая удачного момента, чтобы отмереть и броситься на того, кто решил потревожить покой… Чей покой?

Баюн с опаской сделал следующий шаг, прислушиваясь к нарастающей тревоге. Где-то там впереди чувствовалась ворочающаяся пульсация необычайной силы. Но не это тревожило следопыта. Прокрадываясь меж обветренными истуканами, он боролся с ощущением, что это вовсе не застывшие люди, а отточенные зубы исполинской пасти, готовой вот-вот захлопнуться и поглотить дерзнувшего нарушить покой укрывшегося под землей чудища. Под ногами ждала притаившаяся Бездна, сродни той, что жила в груди Чёрного Колдуна и в его детях. Сродни, но не подобна, будто потомок, смешавший до этого чистую кровь.

Кот едва не подпрыгнул от испуга, когда в голову пришла пугающая мысль. Лазутчик ненароком вспомнил споры Велеса и Хозяйки о создании Детей Силы. А не мог ли Чародей сотворить нечто подобное? По словам Макоши, несмотря на пленение, а отчасти и благодаря ему, Чёрному Колдуну удалось подчинить первозданную Силу Земли через Шкурапея, а Силу Воды из-за беспечности Водяной Княжны и её отца. Конечно, будучи в заточении, он не мог безгранично пользоваться приобретенными возможностями,

для чего и создал Матерь Чудовищ, которая плодит бесчисленное потомство, с коим Баюну пришлось сразиться. Остаётся загадкой: не мог ли Пленник смешать толику имеющегося у него и сотворить Детей Силы? Охотник покачал головой, боясь поверить в это.

– Какой же должна быть Матерь Чудовищ, если Враг вложил в неё не только свою Силу, непонятно где полученную, но и Силу двух стихий?

С этими словами Баюн обогнул очередную группу изваяний, выставивших перед собой окаменевшие копья и мечи, и вышел на небольшую делянку, отгородившуюся от леса вырванными с корнем полусгнившими деревьями. Кот двинулся дальше, но тут же замер, испуганно озираясь – латный ботинок наступил на что-то громко хрустнувшее. Воин присел, внимательно присматриваясь. С первого раза ему не удалось понять, что именно рождает хруст. Но при более тщательном рассмотрение Баюн догадался: под его ногами исполинский кусок скорлупы.

Охотник опешил, пробубнив:

– Где же тот птенец, что вылупился из этой кладки? – он с испугом проверил толщину оболочки разрушенного яйца, выругался.

По всему выходит, что вылупившийся жутко голодный птенец может находиться поблизости. Кот вознамерился вернуться в лес, дабы укрыться под сенью деревьев, но стоило ему сделать шаг назад, как в глаза бросилась выточенная из дерева фигура, стоявшая в самом центре поляны, от истукана веяло бездной.

– Выбрал для гнезда поруганное капище?

Баюн снял шлем, сплюнул и, утерев лицо, нахлобучил его обратно. Перебарывая в себе желание сжечь ненавистное идолище Чародея, Кот устремился под прикрытие деревьев, но не успел свершить задуманное, как по его ноге ударил извивающийся хлыст.

– Растерзай тебя Шкурапей! – только и успел прошептать витязь, поднимая ногу, как вторую обожгло резким ударом.

Падая на землю, Баюн столкнулся взглядом с нападавшим и онемел.

* * *

– Иди ко мне…

Слова скованной ворожеи полоснули по груди противника стилетом, вынуждая ищущего остановить тянущиеся к чародейке пальцы. Тень Чёрного Колдуна тряхнула головой, опуская скрытый под капюшоном взор на пульсирующую грудь, в которой взбунтовалась собранная на старом капище Сила. Дрожащая длань легла на расползающуюся накидку, судорожно комкая её, в безуспешных попытках сдержать ткань, рвущуюся под напором высвобождающейся Силы.

Почуявшие неладное лесорубы бросили работу, замерли, перешёптываясь глядели на тонкую девичью руку, без труда пронзившую грудь ищущего, который тут же попытался отпрянуть от противницы, но хватка хрупких пальцев оказалась куда крепче, чем можно было подумать. Топчась на месте, мужики потирали древки топоров. Пара ребят, что помоложе, шагнули вперёд, намереваясь покончить с ведьмой, но на их плечи тут же легли крепкие руки Мокроуса, который молча покачал головой, предостерегая от поспешного шага.

– Иди…

Сладостная улыбка растекалась по краснеющим щекам девочки. Касаться тёплого, податливого кома было очень приятно, несмотря на боль – порванный плащ ищущего острыми краями резал тонкое запястье. Агния никогда не думала, что Силы может быть столь много. Юной ворожее чудилось, что стоит только дотянуться, цепко ухватить и забрать себе, и она тут же станет вровень с обитателями

Ирия. Но исполинская искра всё никак не давалась в руки, временами обжигая, когда юркие пальцы хватали ком в местах, изъеденных гнилью. Время замедлилось, сжимаясь в клубок, словно испуганный ёж.

– …ко мне…

Ищущий зашипел, разжимая пальцы, не способные предотвратить потерю собранной Силы. Свернувшееся ежом время развернуло клубок и, разогнавшись, помчалось прочь гибким хорьком. Сковавшая Агнию слизь резко потянула пленницу на себя, стремясь утопить в жиже, но девочка не разжала хватку даже тогда, когда булькающая масса начала заливать ей рот, нос и уши. Чародейка, вбирая в себя чужую искру, чуяла пляшущее на ладони пламя и была не в силах оторваться от неисчерпаемого источника.

Чёрный меч со свистом рассёк дугой воздух. Ищущий рубанул с широким размахом, желая отсечь кисть несдающейся противницы, которую он поначалу посчитал лёгкой добычей. Мечник намеревался отступить от первоначального плана и попросту изрубить негодную клинком, забрав остатки её естества себе. Булькающая жижа опередила его на краткое мгновение, резко потянув жертву к склизкому дну. Запястье ушло вниз. Клинок врезался в ярящийся сгусток огня, рассечь который ему оказалось не под силу.

Ревущий от ярости ищущий не видел, что выбитое им пламя бухнулось на раскуроченное капище и начало быстро расти. Его взор был прикован к высыхающей грязи, по которой поползли морщины и трещины, разрывающие затвердевший монолит на мелкие съёживающиеся коросты. Земля вздрогнула и, осыпав отпрянувшего мечника, разлетелась в разные стороны, позволяя Агние, высвободившей одну руку и часть лица, сделать жадный вздох. Не давая ищущему опомниться, ворожея ударила второй рукой, наслаждаясь пульсацией Силы в сжатом кулачке, и вскочила на ноги, тут же увернувшись от чёрного клинка – противник не собирался сдаваться.

Рубящий наотмашь клинок врезался в столп пламени, выросший из руки ворожеи. Упиваясь могуществом, Агния не жалела Силу, уподобившись терзаемому пустынной жаждой, неожиданно наткнувшемуся на оазис с огромным озером ледяной воды. Чародейка смеялась, с лёгкостью отбивая ускорившиеся удары, нет-нет да поглядывая на сжавшихся лесорубов, участь которых была предрешена – разделавшись с мечником, она займётся ими, а затем изображением Господина, вырезанным из белёсой древесины неизвестной ей породы. Она сожжёт тут всё!

– Трепещи, раб!

Агния шагнула вперёд, начав наносить удары столбами пламени, бьющими из обеих рук. Не в силах выдержать натиска, ищущий попятился, собирая остатки своей плесени в кулак. Когда чародейка в очередной раз неумело занесла пылающее оружие для удара, тёмный скользнул вниз, уходя он нацеленного на него пламени, и разжал свободную руку, выбрасывая сотканную из плесени петлю, намереваясь опутать ноги противницы и повалить её наземь.

Девочка оказалась проворнее. Подпитываемая вырванной у недруга Силой, она легко скакнула вверх, подпрыгнув над петлёй, и, резко разогнув колено, ударила босой ногой во тьму капюшона. Обронив меч, недруг отлетел назад, перекатился вбок, избегая огненного оружия, пронзившего высыхающую грязь, лёжа на животе поднял голову, намереваясь вскочить, и замер, не веря происходящему. На месте уничтоженного им капища горел костёр. Из поднявшегося в рост человека пламени на него смотрели горящие яростью девичьи очи.

Испуганная Агния с восторгом глядела на пылающую девицу. Несмотря на горящее в руках пламя, по спине воровки пробежал холодок – девочка не могла поверить, что своими глазами узрела одного из жителей Небесного Сада. Ошарашенно пыхтящие лесорубы попадали на колени, призывая своего Господина защитить их от ведьмовской напасти. За их спинами остался не один десяток

вычищенных от скверны капищ, но с подобным они сталкивались впервые. Свято веря в могущество ищущего, они даже не думали, что кто-то из былых хозяев разоренных святилищ может явиться, желая покарать осквернителей.

Ищущий опомнился первым. От его рук по грязи начала расползаться чёрная сетка воняющих плесенью нитей. Соединённый незримой связью с остальными тенями Чёрного Колдуна, лишившийся оружия мечник взывал к своим братьям, призывая их занять тела стонущих людишек и пленить ту, кого они так долго искали. По макушкам мёртвых деревьев, из которых тёмный выпил все соки, ударил промозглый ветер, свидетельствующий о том, что его услышали.

Сотканная из пламени девица посмотрела на деревья, качнулась вперёд и, сморщившись, ступила за пределы очерченного круга, в котором совсем недавно стояло изваяние Сварога. Огонь поник, превращаясь в узкую тропинку, горящей стрелой устремившуюся к поднимающемуся врагу. Ищущий зашипел и вспыхнул ярким костром.

– Ты не он! – пламя встало перед отпрянувшей Агнией на том месте, где только что находился враг.

– Благодарю тебя за помощь, дочь Сварога!

Не обращая внимания на гневливый взор, чародейка поклонилась.

– От тебя пахнет плесенью? – Огневица задумчиво перевела взор с ворожеи на пятившихся лесорубов, до ног которых едва не дотянулись чёрные нити, постепенно тонущие в грязи. – Но, несмотря на запах беглеца, за которым я веду охоту, в тебе живёт часть нашего общего прародителя – Небесного Кузнеца.

– ...не могу поверить… – удивлённая девочка едва не потеряла дар речи. Лепеча несуразицу, она с трудом взяла себя в руки и выдавила трясущимся голосом: – Последнее время я часто обращалась к Священному огню…

– Зачем ты взывала к моему родичу?

– Твоему отцу? – Агния ещё раз низко поклонилась собеседнице. – Я никак не могу найти тропу к деду, о, дщерь Огня Сварожича.

– Раньше легко находила?

– Да, – девочка потупилась. – Когда Сила была со мной, стоило только войти в лес и пожелать прийти к его шалашику – тропа сама стелилась под ноги.

– Вот, значит, как! – Огневица лукаво улыбнулась. – Будь по твоему, я укажу тебе дорогу в обмен на незначительную помощь.

– Я не могу отказать тебе, о, дщерь Огня!

Огневица улыбнулась, указав на бегущих к зарослям лесорубов.

– Покарай их за содеянное.

Агния посуровела, прикусила губу и, чувствуя, как в неё вливается невообразимая мощь, всплеснула руками, наблюдая за замершими мучителями, перед которыми поднялась стена огня. Побросав инструмент, мужики метнулись в сторону, но девочка тут же очертила ладонью круг над своей головой и кольцо огня окружило всю поляну. Мечущиеся лесорубы поняли тщетность своих попыток, попадали на колени, с мольбой смотря на ухмыляющуюся ворожею.

– Они стали подобны шелудивым псам, – бросила Огневица, вновь стоящая в круге разорённого капища. – Истинные рабы своего пленённого Господина. Не медли! Эти земляные черви заслужили свою участь.

Агния шагнула вперёд, намереваясь свести разведенные руки, желая испепелить тех, кто совсем недавно желал ей зла, но неожиданно для себя остановилась, с удивлением узрев за отблесками огня хмурое лицо деда, к которому так и не сумела найти дорогу, словно смотрела на него сидя по другую сторону костра, горящего возле их нехитрого жилища в лесу. Ворожея прокусила губу, желая изжить из своей груди навалившееся бессилие. Едва выдерживая тяжесть окаменевших плечей, руки не слушались. Там в

деревне, бывшей некогда ей родным домом, в корчме и на сожженной мельнице она, не в силах противиться бушующему естеству, отдавалась пламенному плясу, защищая себя. Сейчас юной чародейке нужно было ударить первой.

– Я не могу, – девочка бессильно опустила руки. – Дед говорил, что они все – оболганные дети. Такие же, как мы, но обманутые гнилой ложью, сироты, не ведающие истинных предков и несущие свои искры лжецу, что одурманил их, заманив сластью, нутро которой – гнилушка.

Увидев, что пламя начало спадать, лесорубы воодушевились, поднялись и метнулись под защиту деревьев. Лишь один Мокроус на мгновение задержался на кромке леса и, низко поклонившись вначале Огневице, затем Агние, шагнул в заросли.

– Ты справилась…

Поникшая ворожея, уже смирившаяся с тем, что ей никогда не суждено вернуться к деду, с удивлением воззрилась на дщерь Огня.

– Но я же?..

– Гниль не пустила в тебя корни, и поэтому я укажу тебе искомый путь. Знай же, девочка, – если бы ты решила испепелить живых, то сама бы сгорела в Огне Сварога, который до сих пор любит своих внуков, несмотря на их предательство. Гляди же…

Агния подняла взор. Тропа возникла на том месте, где меж деревьев исчез Мокроус. Юная чародейка сделала шаг вперёд и обернулась, вопросительно глядя на Огневицу.

– Чего стоишь? – пламя осыпало девочку искрами. – Иди к своему деду, если, конечно, не хочешь отомстить за павших родичей.

Ворожея замерла, недоверчиво взглянув на игривое пламя.

Когда огонь, вспыхнувший за ушедшими детьми Сварога, выжег раскуроченную поляну, а ветер разогнал едкий смог, на пепелище вышли четыре фигуры в тёмных

балахонах. Пряча лица под капюшонами, они бегло осмотрелись и, переглянувшись, кивнули друг другу, после чего неспешно направились в ту часть леса, в которой скрылись беглые лесорубы.

* * *

– Ты уверен, что нам сюда?

Стан обернулся, посмотрел на вжавшего голову в плечи спутника, прикусившего язык и корившего себя за неуместный вопрос, который ставил под сомнение выбор предводителя, бросившего вызов похитителю и спасшего всю ораву от козней Мряки-Миряки.

– Точно, – процедил сквозь зубы рослый кряжистый парень, шедший впереди детей, не пожелавших возвращаться в приютившее их селение. – Сам посуди: неспроста же тропа легла нам под ноги?

После расставания с Баюном, который увёл с собой сотворённый девчонками морок, ребята некоторое время блуждали по лесам, пока им под ноги не легла эта тропинка. То, что их приглашают в гости, сказал кто-то из маленьких, наделенных зарождающимся даром вещевания. Стан не спорил, просто свернул в заросли и увёл ребятню от подозрительной тропы, опасаясь подвоха – небось, кто-то ещё решил ими полакомиться. Но через некоторое время тропа вновь легла им под ноги. Так повторялось несколько раз, пока предводитель не сдался, сжав кулаки – если это ловушка, лиходею придётся несладко.

– Пить хочется!

– Покушать бы!

– Цыц там! – Стан хлюпнул носом.

Предводитель оравы и сам мимолетно потирал урчащий живот, то и дело думая о самый маленьких, для которых длительный переход превратился в нескончаемую муку. Последний раз они питались на рассвете, когда удалось найти немного грибов и собрать опавшие, но ещё не

сгнившие плоды дикой яблони. К обеду припрятанные за пазухой припасы закончились. Стан хотел увести ребятишек подальше от селений, опасаясь, что их вновь отправят на съедение Миряку или кому похуже. Он понимал, что им будет трудно в зимнем лесу, но полагался на умение товарищей, нёсших в себе Силу, так пугающую остальных людей. Вырыть бы землянку, а питаться можно и дичью. Мировида легко разожжет огонь, даже из сырых дров, Стоян приманит зайца и отгонит хищника. А с землянкой он справится сам, да и остальные помогут, вон их сколько – целая орава пищащих и смотрящих на него с надеждой.

– Стан, впереди вода.

Предводитель поднял наспех вырезанный посох, приказывая остановиться. Принюхался – действительно, где-то на их пути журчала вода. Паренёк прищурился – довольно странный ручеёк. Он не мог понять причину навалившейся тревоги, потому, зыркнув на притихших детей, молвил:

– Впереди может быть ловушка. В случае чего готовьтесь встать в круг, если там тёмные, или бить, как умеете, если там лихой люд.

Не по возрасту суровые глаза внимали предводителю. Спутники кивнули, готовясь к худшему. Улыбалась одна Мировида, едва слышимо прошептавшая:

– Нет там никакой опасности.

Но зная суровый нрав Стана, девочка не стала говорить ему о лишней предосторожности. Пусть сам разберётся, на то он и мальчишка, чтобы защищать девчонок с малышами.

Ребята пошли вперёд, шагая нарочито неспешно, озираясь по сторонам и останавливаясь при каждом шорохе. Притихший лес следил за ними глазами угомонившегося дятла, подмигиванием юркой белки, снующей с дерева на дерево, недовольным взглядом ежа, решающего: свернуться клубком или продолжать лакомиться жирным слизнем. Журчание воды усилилось.

– Вот так диво.

Путники вышли к широкому ручейку, или к небольшой речушке, через которую проходила тропа. Тропка именно что проходила сквозь воду, разрезав её узеньким проходом на две части. В расступившейся воде плескалась мелкая рыба. Некоторые из рыбешек прыгали из одной части потока в другую. Несколько щурят лежали на влажном дне, по которому прошла тропка, нещадно колотя хвостами. Стан опустился на колено, поднял несчастных и вернул в поток. Спасённые щурята тут же сгинули в толще воды. Взволнованный парень зачерпнул воды, умылся. Повторно сложил ладони лодочкой, набрал водицы и с жадностью выпил. Боясь, как бы поток не сомкнулся после его прохода, предводитель встал в центре русла, пропуская малышей вперёд, дозволив каждому утолить жажду. Убедившись, что все благополучно перебрались на тот берег, последовал за оравой. Стоило только Стану вступить на узенькую полоску песка, река тут же с грохотом вернулась в прежнее русло, увлекая бурный поток вдаль.

– Диво-дивное!

– Чудо-чудное!

Малыши с восторгом запрыгали, захлопав в ладоши. Ребята постарше вопросительно посмотрели на Стана. Мальчик в недоумении поднял плечи и покачал головой – дескать, я и сам не понимаю, что тут происходит.

– Пойдём дальше, думаю, там, где тропа заканчивается, нам удастся разобраться в происходящем.

Ребятишки направились вглубь леса. С каждым их шагом деревья темнели, пока тяжёлые лапы елей окончательно не окружили путников. Дети шли молча, нутром чуя, что их длительный поход, растянувшийся до самого вечера, скоро подойдёт к концу.

– Кажется, пришли, – Стан сжал кулаки и прикоснулся к своей искре.

Первым в подкрадывающейся темноте показался мелькающий огонёк костерка. За ним навстречу

ребятишкам с распростертыми объятиями бросилась неширокая, окружённая еловой стеной поляна. На выходе из чащи стоял сгорбленный дряхлый старик, опирающийся на клюку.

– Милости прошу, гости дорогие. Пожалуйте к моему костерку и шалашу, похлёбка как раз почти готова.

Не оборачиваясь, старик зашаркал по траве, устремляясь к простенькому убежищу, едва ли способному укрыть от мало-мальски серьезного дождя, видно, что собран на скорую руку, подле него на слабом огне ворчал пузатый закопченный котел, рождающий манящий аромат, с первого вздоха подружившийся с урчащими животиками улыбающихся деток. Первым к костерку направился Стан. Мальчик опасливо озирался по сторонам, ожидая подвоха – уж слишком всё складывалось гладко да сладко: нежданный ужин и желанный ночлег. Будь на его месте Агния, девочка не задумываясь кинулась бы на шею старца, чего никогда себе не позволяла. Она не раз и не два ходила тропой, которая привела ребятишек к заветной полянке. Но кареглазая воровка была сейчас очень далеко от этих мест.

– Почему ты нам помогаешь, старик? – Стан навис над присевшим у костра хозяином шалашика.

Дед пожевал беззубым ртом, прежде чем ответил:

– Так мы с тобой далёкие родичи, внучёк.

– Какой я тебе…

Хозяин шалаша поднял руку, призывая к вниманию. Стан послушно смолк, не смея перечить старшему. Парень отметил, что сиюминутная злоба уходит в землю, оставляя после себя лёгшую на плечи усталость.

– Вы все, – старик обвел пальцем детей, окруживших костерок и с радостью греющих замерзшие ладошки, – носители первозданной искры. А ты, – он указал на вздрогнувшего Стана, – ещё и… – он замялся, подбирая слова, – дитя Силы, как и эта, сгинувшая на днях рыжая вертихвостка, – старик отвлёкся, помешал длинной деревянной ложкой варево и, видя рождающуюся радость

на лицах ребятишек, торжественно произнёс, указывая в сторону: – Вон там, сбоку от шалаша, в траве найдёте ложки. Присаживайтесь, будем трапезничать, – после чего вновь пристально посмотрел на неподвижного Стана. – Ну, чего вылупился? Не стой, как истукан, помоги младшим, опосля погутарим. На сытый желудок беседовать сподручнее.

Оголодавших детей не пришлось уговаривать дважды. Поделив ложки, они дружно уселись вокруг костерка и, дождавшись кивка Стана, начали потихоньку хлебать варево, состоящее из сладких корешков, хлебных мякишей и разварившейся речной рыбы.

Когда почти вся похлебка переместилась из котелка в отяжелевшие животики, а юные глазки начали слипаться, со стороны леса повеяло холодом, несущим едва ощутимый запах плесени. Отбросив ложку, старик поднялся и, опираясь на клюку, шагнул в сторону от затухающего костерка, после чего недобро зыркнул на Стана, зло прошипев:

– Зачем вы привели их за собой?

* * *

– Куд-ку-да… шшшпрятался?

Баюн содрогнулся от смеси петушиного клокотания и шипения змеи, извергаемой из глотки противника. Пытаясь унять тяжёлое дыхание, Кот старался не шевелиться, боясь выдать себя разъярённому врагу. Часть Силы потеряна впустую, но на сожаления времени не было – нужно отхлебнуть живой воды, восстановить искру и попробовать вновь, несмотря на то что он сомневался, что вообще возможно одолеть чудище, в котором жила голодная бездна.

Спутник Макоши слишком поздно понял ошибку. Лицезря застывшие изваяния, некогда бывшие людьми, лазутчик полагал, что они попросту заморожены Матерью Чудовищ, наподобие тому, как он сам замораживает противника. Доселе Кот не задумывался, как у него это получается, но визит в Навь и гонка с Вороном дали сытную пищу для размышлений, результатом которых стало предположение, что Баюн, Сила которого сродни искре Чернобога, лишает людей отмеренного им времени, вмиг выжигая жизненную нить.

Кудахтавший противник, ищущий очередную жертву, затаившуюся среди застывших изваяний, действовал иначе. Чтобы это понять, пришлось отдать часть себя. Баюн безуспешно пытался заморозить чудище, но оно едва не выпило спутника Макоши. В порождении Чёрного Колдуна жила бездна, поглощающая всякую искру, до которой могла дотянуться.

Стараясь не выдать себя резким движением, Баюн потянулся к фляге и тут же рванул в сторону, уходя от хлёсткого удара змеиного хвоста, украшенного рядом острых шипов. Группа статуй, среди которых таился следопыт, разлетелась на мелкие осколки, один из которых едва не угодил в голову вовремя увернувшемуся воину.

– Куд-ку-да… не шшшшпрячешься!

Массивная петушиная голова, украшенная острым, налившимся краской гребнем, поднялась вверх и тут же рванула вниз, метя клацнувшим клювом в букашку, посмевшую сопротивляться воле бездны, клокочущей в жабьей груди, из которой росли две когтистые лапы, украшенные смертоносными шпорами. Ярясь из-за очередного промаха, Василиск подпрыгнул над землей, захлопал перепончатыми крыльями, потоком ветра сбивая Баюна с ноги, и вновь атаковал, желая поскорее расправиться с неугомонной добычей, всё никак не желавшей принять свою участь. Пасынок бездны оставил

попытки выпить Силу противника, желая одного – разорвать наглеца, посмевшего сопротивляться его воле.

Острый клюв яростно вспарывал землю, усеянную осколками скорлупы. Хвост стегал кнутом, порою настигая увёртывающегося следопыта. Кот метался из стороны в сторону, бил мечами, высекая сноп искр из стального клюва. Усеянная острыми зубами пасть едва-едва не настигала добычу. Юркий змеиный язык раздвоенным жалом ощупывал воздух, роняя на избитую землю капли едкого яда, которые с лёгкостью плавили доспех, прожигая стонущую плоть.

Рычащий Баюн не останавливаясь рубил мечами, желая отрубить чудищу голову, или хотя бы вездесущий хвост. Куда там, Василиск был проворнее. Он то и дело застывал, смотря на запыхавшуюся добычу то одним, то другим глазом, будто выбирая зёрнышко покрупнее, и снова атаковал, не давая возможности улизнуть.

В груди спутника Макоши разгорался иной бой. Отражая нападки Василиска, скованная оставшимися жизнями Сила рвалась наружу, желая вступить в схватку с наглецом, посмевшим напасть на Баюна. Кот не сомневался: потеряй он четыре жизни и от кукарекающего чудища и ошмёток не останется, первозданная тьма сотрёт пасынка бездны, не оставив о нём даже памяти. Но тогда это будет уже не Баюн, а нечто иное. Что именно – проверять не хотелось.

Взбунтовавшееся естество толкало воина на острый клюв, затормаживало удары, не позволяя вовремя рубануть по чешуйчатой шее, туманило взор и вызывало тошноту, всячески стремясь избавиться от оков. Нет, Ворон привёл его не для того, чтобы Баюн расправился с Матерью всех чудовищ. Напротив, он желал, чтобы воин пал, а осколок первозданного Хаоса, с лёгкостью меняющий облик Кота, вернулся к Властителю Нави.

Лазутчик зло усмехнулся, обещая себе наведаться во владения Чернобога, и юркнул меж когтистых лап, рискуя попасть под загнутые шпоры, после чего прыгнул вверх и, пока Василиск разворачивался, обратился летучей мышью. Истошно пища, летун заметался в воздухе, увёртываясь от шипящего врага, и, сделав несколько крюков, юркнул в заросли, едва не пойманный вездесущим клювом.

Баюн отнюдь не намеревался бежать – Василиск должен пасть, не дело позволять столь опасному существу беспрепятственно бродить по Яви. Тем более если оно является Матерью Чудовищ. Застывший средь изваяний Кот задумался, сомневаясь в своих прежних выводах. Да, пасынок бездны силён, это у него не отнять. Но он похож на очень опасное оружие, не более. Мог ли Василиск породить иных существ, с которыми охотнику уже пришлось встретиться, или Сила вливалась на разрушенное капище, чтобы породить Василиска? Спутник Макоши облизнул потрескавшиеся губы. Шевелиться было по-прежнему опасно. Наслаждаясь краткосрочной передышкой, Баюн следил за кудахтавшим чудищем, которое разносило окаменевших гостей в противоположной части поляны.

Удастся ли испить живой воды? На этот раз Кот решил действовать куда осмотрительнее. После первой попытки он понял, что нужно двигаться крайне медленно. Удача, что Василиск сейчас далеко и занят самозабвенным разрушением окаменевших оболочек людей. Но стоило пальцам слегка колыхнуться, куриная голова тут же повернулась в сторону Баюна. Чудище прищурилось,

посмотрело одним глазом, затем вторым и, посчитав, что ошиблось, продолжило крушить всё у себя под лапами.

– Засада! – в сердцах прошептал спутник Макоши, заставив Василиска вновь обернуться.

На этот раз пасынок бездны смотрел дольше и пристальнее. Он даже сделал неуверенный шаг в сторону замершего противника, но отвлекшись на нечто в кустах, раскудахтавшись, кинулся в заросли, даря Баюну долгожданную возможность пополнить силы. Кот не мешкал. Поспешно откупорив пробку, которая улетела в траву – не жалко, она вряд ли уже пригодится, – лазутчик сделал пару глотков, не для восстановления Силы – очень хотелось пить. Затем порылся в сумке и, размяв недавно найденные цветы, аккуратно всыпал их в горлышко фляги, плотно прикрыл его ладонью и несколько раз резко встряхнул.

– Куд-куда…

Клокочущий голос раздался над самым ухом. Баюн вздрогнул. Поражаясь сообразительности твари и тому, что столь массивная туша сумела подкрасться незаметно, Кот рванул вперёд, выбежал на открытое место и тут же получил удар по ногам. Кувыркаясь по земле, спутник Макоши надеялся, что плотно зажал пальцем горлышко и гремучая смесь, эффект от которой он боялся представить, не расплещется впустую, окропив израненную твердь.

Василиск налетел чёрной тенью. Уворачиваясь от града ударов, Кот старался улучить момент, и когда клацающий клюв в очередной раз раскрылся перед грудью воина, Баюн резким движением закинул флягу в разверзшуюся пасть, целясь в горло. Чудище оказалось намного проворнее. Стальной клюв схватил флягу, облизал несколько раз языком – затёртая кожа тут же начала тлеть – после чего подкинул, ловко поймал на лету и, с вызовом посмотрев на Баюна налитым кровью глазом, раскусил сосуд, заглатывая осколки.

Воин попятился, ожидая реакции. На первый взгляд, наскоро смешанное зелье не подействовало – Василиск оставался столь же проворным. Чудище рвануло к отступающей добыче и начало с яростью клевать, несколько раз едва не пробив агатово-чёрный доспех. Все попытки отмахнуться или отрубить голову оказались безрезультатны. Повалив брыкающуюся жертву наземь, порождение Чародея замерло, с удивлением мотая головой. Затем из раскрытой пасти раздалась продолжительная отрыжка, а из горла донеслось нездоровое бульканье. Пользуясь моментом, Баюн перекатился в сторону и, вскочив на ноги, отбежал, с надеждой наблюдая за происходящим. Василиск громко икнул и кинулся за Котом, который бросился к лесу. Когда до спасительных деревьев оставались считанные шаги, чудище запнулось и повалилось на живот. Не замечая этого, воин продолжал бежать вперёд, но не юркнул в кусты, а, ловко пробежав по стволу ближайшего дерева, кувыркнулся назад, желая оседлать преследователя, и бухнулся тому на трясущуюся в судорогах спину.

– Вот так напасть… – Кот подскочил к голове Василиска. Из раскрытой пасти поверженного исполина вытекала дурно пахнущая жижа. – Это же плесень! – лазутчик сморщил нос. – Посмотрим, что ты мне предскажешь, – он занёс мечи. – Беги птичка туда, откуда мне стоит ждать очередной опасности[8].

Оскаленные коты, выгравированные на остриях клинков, зло зашипели. Василиск дёрнулся, отбрасывая отсечённую голову, и рванулся на обидчика. Расслабившийся Баюн едва успел увернуться от растопыренной лапы, попытавшейся его схватить, но не успел уйти от хвоста, который вновь повалил охотника на землю. Расплескивая едкую плесень,

[8] Описывается способ гадания по отрубленной голове курицы или петуха. В зависимости от поведения обезглавленного тела, гадающий делал те или иные выводы.

шея чудища вертелась из стороны в сторону, выискивая противника. Воин выругался и, подгадав момент очередного удара хвостом, рубанул мечом, отсекая шипастый кончик, изрядно помявший доспех. Отрубленная голова яростно заклокотала, зло щёлкая клювом. Увернувшись от очередной атаки лап, Баюн почуял, что под землей происходят какие-то изменения.

– Не было печали... – лазутчик отскочил и отбежал в сторону, наблюдая, как обезглавленное тело топчется на месте, пытаясь нащупать добычу, – да василиски накачали.

Вспомнился кавардак, устроенный в избе Макошью. Коту почудилось, что он воочию видит, как по каше, от кучки к кучке, течёт чёрная жижа. Воин проморгался, желая избавиться от видения. Потряс головой, ощущая, как нетерпеливо заворочалась бездна, разверзшаяся где-то под гнездом Василиска. Вечно голодная пустота ожила, требуя заёмной Силы. Обезглавленное создание Колдуна носилось противосолонь по кругу, вскапывая землю и яростно размахивая крыльями. В стороне извивался змеёй хвост, ближе к деревьям кудахтала измазанная в слизи голова.

Тяжело вздохнув, Баюн попятился назад, размышляя: как ему угомонить обезглавленного Василиска. Нетерпеливо лязгнули клинки, ударяясь друг об друга. Цокнув языком, витязь решительно шагнул вперёд, надеясь искромсать ослабленного врага, но тут земля задрожала, разверзлась, оскверняя воздух затхлым смрадом, и, чавкая, поглотила неугомонного противника. Кот выдохнул, оседая на помятую траву, но тут же вновь вскочил на ноги – из разлома поднималась едва различимая человеческая фигура.

* * *

– Вам нет более пути. Уходите!

Властный голос сгорбленного старца сейчас вовсе не походил на жеванную речь, которую ребятишки услышали при входе на поляну. Стан не мешкал. Наученный горьким

опытом, он схватил ближайших ребят за руки, остальные поднялись и, не сговариваясь, встали в круг, окружив костёр, тепло которого придавало силы и уверенности. Выворачивая шеи, дети не сводили взора с происходящего у кромки леса. У младших дрожали колени – они впервые увидели ищущих и ощутили на себе голодный взор, жадный до чужой искры.

– Изгнанник, уйди с дороги.

Старик усмехнулся. Его не пугали ни четыре тёмные фигуры, прячущие свои лица за опущенными капюшонами, ни разбойничья ватага, следовавшая за вторгнувшимся в его пределы врагом. Хозяин ветхого шалашика ведал, что у ищущих лиц вовсе нет, вместо них под худым, потрёпанным сукном живет голодная бездна, с которой ему когда-то уже пришлось столкнуться. Столкнуться и проиграть. А ватажники больше походили на лесорубов, чем на разудалых разбойников. Внимания старика удостоилась лишь беловолосая девица, с заломленными за спину руками, которую придерживал один из ищущих. От девушки веяло нешуточной Силой и ещё чем-то отдалённо знакомым, хоть и давно забытым, словно к искре девицы прикасались руки его давней ученицы. Старец встряхнул спутанной копной волос, которые взвихрились, будто океанские волны, и зычно рявкнул, уподобившись гулкому рёву пучины:

– Пошли вон!

От его рёва пошатнулись дети, едва не разорвавшие обережное коло, отпрянули ищущие и попадало ниц несколько залётных мужиков, побросавших свои топоры. Лес вздрогнул и недобро зашелестел, обещая татям долгого гниения в ветвистых корнях.

Первыми пришли в себя лесорубы.

– Ты что, старый, совсем умом тронулся.

– Ты рот-то свой закрой, а то остатки зубов выбью.

– Сейчас мы тебе покажем…

Троица молодых парней отделилась от основной группы. Один из удальцов наотмашь хлестнул ладонью по руке Мокроуса, пытавшегося остановить дуралеев, и прыгнул вперёд, метя коротким засапожным ножом в шею старика.

– Я сказал: прочь!

В глазах Стана старик начал троиться. Мальчик помотал головой, ничего не изменилось – хозяин шалаша действительно разделился на троих одинаковых старцев, которые легко повели рукой, отстраняя от себя обезумевших людей, решивших показать свою удаль перед ищущими. Лесорубы разлетелись, словно щепки от меткого удара топором. Лес зачавкал, принимая в себя наглецов, переломавших кости об стволы елей – столь сильным оказались удары стариков. По поляне растекался запах океанской свежести, оттесняющий к деревьям смрад, исходящий от ищущих.

– Изгнанник, ты всё ещё силён…

– Но тебе не одолеть нас…

– Тебе дали возможность уйти…

– Не стой у нас на дороге!

Ищущие, не сговариваясь, шагнули вперёд.

– Одолели, да, вы меня одолели! – свирепый глас старика, рвущийся из трех глоток, заставил оставшихся лесорубов отползти назад. – Уйти, говоришь, мне дали. Нет, лукавишь, Тёмный. Я чую тебя даже за этими личинами, Пленник. Продолжаешь поганить людей своим смрадом? Пришёл за этими ребятишками? Что ж, если сегодня будет моя последняя битва – я готов. Тебе не пройти, Чародей!

Он ударил оземь палкой и стариков стало не трое, а девять. Ищущие остановились, переглянулись. Отбросив в сторону пленницу, руки которой за спиной стягивала чёрная плесень, одна из теней кивнула и нападавшие обнажили чёрные клинки. Дети, нервозно заёрзав, ахнули. Младшие начали похныкивать, старшие прикусили губы, ощущая на себе немигающий взгляд сотен голодных глаз – бездны, жившей в клинках татей.

– Смогут ли осколки вашей бездны выпить Океан?

Громогласно пророкотав, старики шагнули вперёд и тут же исчезли, чтобы очутиться сбоку и за спинами ищущих, хлёстко ударить клюками и вновь испариться, не принимая ответного удара. Тени кружились на месте, но ни разу не сумели поразить неожиданно прытких старичков, удары которых становились всё ощутимее. С добром принявший детей хозяин, единый в девяти лицах, сражался не щадя себя. Несколько раз мечи царапали его руки и плечи, но он не обращал на это внимания. Загоняя ищущих к лесу, который в предвкушении предстоящего пира помахивал пушистыми лапами елей, старец упустил момент, когда трое противников окружили четвертого, встав в плотный треугольник. Четвёртая тень, та, что до этого держала пленницу, вонзила меч в землю по самую рукоять и прошептала:

– Взываем! Приди к нам!

Первым дрожь земли учуял Стан. Он всегда хорошо чувствовал недра, порою ему казалось, что он и сам является их частью. После дрожи пришёл надрывный стон, словно нечто чуждое терзало почву глубоко под их ногами. Мальчик вздрогнул, пошатнулся, едва не разорвав круг. Нечто чёрное и жутко голодное ползло под деревьями, прогрызая их корни, от чего вековые ели начали крениться и пошатываться.

Защитник детей тоже почуял опасность. Отступив от изрядно вымотанных ищущих, которых он уж надеялся загнать под землю, старик недобро посмотрел под ноги, несколько раз ударил клюкой по траве и вновь стал единым.

– Изгнанник, мы предлагали тебе отступить…

Хозяин шалашика гневно сверкнул глазами, понимая, что ему сейчас будет не до ухмыляющихся теней – к ним на огонёк спешит Сила, сумевшая отравить Древний Океан, из которого появилась первая суша, нёсшая в себе камень

Алатырь[9]. Именно это и стало первопричиной начала распада Единой Сварги, но ведали о том немногие. Земля зашаталась, тут и там начали образовываться прорывы, извергающие едкий смрад, при вдохе сдавливающий горло. Из разломов донёсся скрежещущий рёв голодной бездны:

– Где моя еда?!

Чёрные щупальца скользнули по траве и потянулись к детям.

– Не выходите из обережного коло, что бы ни случилось, – старик устало посмотрел в глаза Стану. – Я угомоню напасть.

Старец ударил клюкой оземь и обратился в огромную массу воды, тут же хлынувшую в образовавшиеся провалы, увлекая за собой задёргавшиеся щупальца. Свежесть океана исчезла, оставляя детей один на один с наступающими ищущими, которые не желали терять драгоценное время.

Одновременно с этим детские головы пронзили острые иглы боли. Ребятишки начали корчиться, судорожно сжимая и разжимая пальцы. Малыши застонали, старшие вцепились в их ладошки, понимая, что с разрушением коло, который не даёт татям дотянуться до желанной добычи, всем будет худо. Стан, соединявший в себе мощь искр всех спутников, мысленно закручивал вокруг друзей сплетённую из Силы преграду, которая постепенно оттесняла давление супостата и глушила вторгшийся в головы шёпот.

Первой не выдержала Мировида, простонавшая:

– Может, и правда нас простят?

– Молчи, дурёха! – легонько пнул её по ноге Стан. – Кто нас прощать будет?

– Господин… – она моляще посмотрела на ищущих, быстро шагавших к кругу. – Наш Господин.

– Не мути умы малышей, – в голос закричал Стоян, мучающийся как и все. – Забыла, что с нами в прошлый раз

[9] Подробнее об указанных событиях читайте в книге А. Окольникова «Ратибор и сказки Вещего леса»

сделали его именем? Как отдали на съедение Мряке-Миряке?

Девочка в ответ лишь бессильно выдохнула и, ускользая из потных ладошек, шагнула назад, разрывая круг.

– Остановись, полоумная!

Стану ничего не оставалось, как рвануться следом, в надежде схватить одурманенную девчонку и постараться вновь собрать коло. Мальчик всплеснул руками, резко разворачивая вверх опущенные к земле ладони. Ищущего, тянущего к девочке руки, тут же снесли влажные комья земли, пропитанные остатками ушедшего старца. Опрокинутая наземь тень по-человечески взвыла и задергалась, судорожно пытаясь сбросить с себя разъедающую её соленую воду.

– В круг, в круг! – видя, как второй ищущий, сраженный ударом Стояна, повалился вслед за первым, Стан догнал Мировиду, встряхнул её и, схватив крепко за руку, вновь собрал детей в коло.

Ни одна из сражающихся сторон не обратила внимания на связанную Дарью, запястья которой жгла въедающаяся в кожу плесень. Следуя невнятному наитию, девушка поднялась и, оглянувшись на стонущих лесорубов, шатаясь направилась к ближайшей лужице, быстро уходящей в землю. Дойдя до цели, она бухнулась на колени и, перевернувшись на спину, погрузила руки в сырую землю, с наслаждением ощущая, как жжение постепенно уходит – вода быстро разъела оковы.

Потирая затёкшие руки, Дарья с тревогой смотрела на развернувшийся бой. Всё её нутро рвалось к детям. Девушка была уверена, что тёмным не пройти сквозь её обережный купол, во сто крат усилившийся, благодаря науке наставницы. С трудом сдерживая этот порыв, она покалывающими пальцами раскрыла поясную сумку, которую никто не додумался обшарить, и, найдя клок волос, надёжно перевязанный тонкой верёвкой, победно

улыбнулась. Надеясь, что её не заметят, девушка рванула к костру.

– Что ты делаешь, неразумная? – прохрипел один из оставшихся на ногах ищущих.

Но было уже поздно. Клок волос её сгинувшего спутника, срезанный несколько ночей назад, упал в огонь, который тут же накинулся на заискрившееся лакомство. Дарья шагнула к бросившемуся к ней ищущему и накрыла себя обережным куполом, вынуждая нападающего остановиться. Девушка повернулась лицом к огню и, улыбаясь, начала произносить нараспев:

На палец нить намотана,
Скорей ко мне тянись.
Из тёмного, из омута,
Мой миленький, явись!

Дарья заулыбалась шире, когда из плещущего искрами затухающего костра, пламя которого неожиданно поднялось высотой в человеческий рост, показалась знакомая фигура. Девушка кинулась на шею пышущему жаром возлюбленному, не замечая, что пламя не осело после прихода бывшего наследника, а осталось на том же уровне, и из огня в спину Афрона смотрят полные ярости женские очи.

* * *

– Мы слишком долго выхаживали нашего птенчика, – непроглядная тьма взорвалась сотнями разъярённых голосов, – не для того, чтобы ты его с такой лёгкостью убил!

– С лёгкостью?

Повалившись наземь, Баюн скинул шлем, прижимая ладони к ушам. Тщетно. Над поляной, освещаемой слабым подземным свечением, льющимся из разверзшейся тверди,

царила гулкая тишина. Бьющий по ушам крик существовал только в голове трясущегося следопыта и в багровых очах приближающегося к нему силуэта, вышедшего из разлома.

В первые мгновения Коту привиделась лишенная тени Макошь, ступающая по смятой, измазанной кровью и слизью траве. Воин даже успел сделать несколько шагов навстречу и приветственно помахать рукой, прежде чем понял свою ошибку. Терзающие с момента визита в Навь мысли опередили удар беззвучного крика. Страхи и тревожные подозрения вцепились в Баюна раньше, чем пришлая тень начала действовать. Коря себя за то, что усомнился в Хозяйке, лазутчик катался по земле, не в силах подняться и встать супротив недруга.

– Эта ловушка ставилась не на тебя…

Буйствующие голоса раздирали стонущего Кота на куски. Воин силился подняться, дабы встретить неприятеля ударом железного когтя, но налившаяся свинцом голова тянула к земле, не желая подниматься. Пробираясь через ворох сумбурных мыслей, связанных стенаниями и проклятьями, разгулявшимися в его сознании, Баюн отметил, что чур Чародея, стоявший неподалеку, исчез со своего места. Слова тени резким уколом заставили сердце сжаться, на мгновение стало тяжело дышать. Ловушка? Ставили не на меня… Но на кого? Следопыту послышался удаляющийся шелест крыльев. Он оскалился, мысленно складывая разбитые черепки случившегося в неказистый сосуд, в котором некогда хранили горькую правду. Хранили, да не уберегли, расплескав по пути, тянущемуся от границ кромки и дальше, туда, где хромая старуха с тревогой наблюдала за происходящим изумрудными глазами скорчившегося от боли воина. Наблюдала и делала выводы, нервно перебирая в руках засаленную пряжу затертого веретена.

– Вставай…

Лёгкий щелчок пальцев старухи и едва различимое движение губ ударили звонкой оплеухой, вырывающей

котейку из дурманящего марева. Избавленный от нестерпимого гнёта, Баюн резко вскочил на ноги. Молниеносный удар рассёк пустоту на том месте, где только что стояла багряноокая тень. Призрак рассмеялся из-за спины воина:

– Ты показал мне, где её найти! – жесткий пинок едва не разломил спину пошатнувшегося воина. – Ты нам больше не нужен…

Сумев устоять после предательского удара, Кот скользнул в сторону и на развороте полоснул призрака дрожащими от ярости клинками. Тень вновь рассмеялась, возникнув в стороне. Баюн прищурился, не понимая, почему не может разглядеть того, кто решил поиграть с ним. Прислушался к своим ощущениям и ахнул. Перед ним стояла зияющая пустота, овеянная тёмным ореолом, словно сама Бездна поднялась из глубины недр, решив разделаться с проходимцем, истязавшим взлелеянного ею Василиска.

– Матерь Чудовищ!

Баюн взревел и закатил очи, обнажая бельма глаз. Призрак трепыхнулся, но леденящее копье немигающего взора вперилось в него, пронзая насквозь. Дернувшаяся тень начала постепенно поглощать пробившую её Силу, но делала это слишком медленно, даря витязю драгоценное мгновение для атаки. Кот не мешкал. Веер двойных ударов несколько раз рассёк призрака, прежде чем он сумел впитать в себя сковавшую его искру.

– Поделом тебе…

Тяжело дыша, спутник Макоши наблюдал за тем, как поверженный противник комьями тумана оседает на траву. Коты хищно скалились с обнаженных клинков, недоверчиво свербя зыркалами павшего недруга. Они, как и мечник, не верили в происходящее – слишком легко им удалось справиться с Матерью Чудовищ, много легче, чем одолеть недобитого Василиска.

В груди кольнула тревога. Смутно ощущая неясное движение под землей, Баюн огляделся, но иных выползней

не наблюдалось. Кот потоптался на месте. В недрах чувствовалось движение изначальной искры, сгнившей, давно перебродившей, смешанной с плесенью Силы, что текла к поляне по тонким нитям, уходящим куда-то вглубь леса и дальше, много дальше. Невольно вспомнились кучки каши, обозначающие примерное расположение осквернённых капищ.

– Да она стягивает сюда всю украденную мощь!

Баюн похолодел, не представляя, как противостоять противнику, который многие века разрушал и захватывал святыни, чтобы завладеть искрами первозданного Света. Сколько было могущества в низвергнутых идолах? Сколько принесли живые к ногам рукотворных изваяний плененного Господина? Не счесть! И сейчас эта мощь стекалась сюда, на поле недавней битвы. Чародей хитёр и коварен. То, что не сумел сделать Скоморох, доделали люди, безоговорочно веря кликушам, вещающим о невинном Пленнике.

– Пади ниц, раб!

В лицо воина ударил поток ледяного ветра. Кот сморщился, но выстоял. Клокочущая в груди ярость требовала битвы. Не важно с кем, хоть с самим Колдуном. Баюн оскалился, глядя, как опавший на траву туман, поднимаясь, вновь приобретает человеческую форму. На спутника Макоши смотрели голодные глаза дряхлого старца, показавшегося ему смутно знакомым.

– Круг замкнулся, блохастый!

Старик захлюпал ощерившимся ртом, лишенным доброй толики зубов. Когда в иссохших руках насмешника возник тёмный стилет, от которого несло плесенью, лазутчик вздрогнул и отступил, не веря глазам, он смотрел на противника:

– Храбр?

– Афрон! – старец шагнул вперёд. – Когда-то этого живого звали царь Афрон.

– А сейчас? – Кот выставил перед собою клинки.

– А сейчас… – собеседник на мгновение замялся, чтобы тут же разразиться хриплым смехом. – А сейчас ты умрёшь!

Баюн пропустил удар. Не веря в случившееся, он мельком взглянул на распоротый доспех, из которого сочились алые капли. Зло зашипев, витязь отбил второй укол и попытался сразить неприятеля, который в одной из прошлых воплощений отнял драгоценную жизнь. Старик играючи отразил целившие ему в голову клинки голой рукой и, расхохотавшись, хлестнул тыльной стороной ладони, едва не свернув противнику челюсть. Качающийся Баюн чуть сохранил равновесие. На мгновение потеряв ориентацию в пространстве, воин, слегка пошатываясь, застыл на месте. Противник тут же попытался воспользоваться моментом, но бьющий наискось клинок пронзил пустоту. Собрав силу в кулак, лазутчик вовремя скользнул под удар, пронёсшийся над его головой и плечом, прильнул к обидчику, обхватив его за талию, и продолжил падение, прокручиваясь так, чтобы старик оказался на земле.

– На этот раз…

Баюн не закончил фразу, с удивлением наблюдая, как враг уходит в землю, оставляя после себя дурно пахнущую лужицу. Кот попытался подняться из жижи, но сварливый голос опередил его.

– И на этот раз всё будет по-старому.

На плечо лазутчика легла костлявая рука, крепко прижавшая воина к земле, не позволяя выбраться из лужи. Резкая боль свела спину ниже лопаток. Баюн крутанулся, вырываясь из цепкого захвата, полоснул смеющегося старика леденящим взглядом и задергался в конвульсиях, мимолётно замечая, что неприятель на мгновение застыл, после чего невнятно прохрипел: «…моя еда…», – и ушёл под землю.

Затем из глубины сознания пришла тьма. Рвущее оковы естество ликовало. Оставшиеся три преграды, сдерживающие первозданный Хаос в образе изменчивого

котейки, трещали по швам, грозясь разорвать свои узы, высвобождая истинный мрак, существовавший задолго до прихода луча Первозданного Света, породившего Единую Сваргу и всё живое. Перерождающийся Баюн чуял, как клубящийся в нём мрак тянется к нерушимым оковам. Кот искренне радовался нерушимости Печати Велеса, запечатавшей девять замков, затворяющих девять дверей на пути мрака. Всеобъемлющая свобода манила, но спутник Макоши страшился её, понимая, что рискует навсегда перестать быть собой, слившись с осколками Первозданной Ночи.

Затем был вздох и пугающая тишина. Не чуя опасности, Баюн пролежал некоторое время на траве. Сырая земля, дышащая ночной осенней прохладой, не отражала голода безликой бездны, ещё недавно беснующейся в её недрах. Кот открыл глаза, наслаждаясь умиротворённым спокойствием ночи. Поднялся, оглаживая новенький доспех, снял шлем, который после перерождения, как обычно, оказался на голове. Прислушался. Лес затаённо молчал, не в силах скрыть постыдного страха, до сих пор не отпускавшего древнего исполина. Деревья чуяли, что чужой, поселившийся в непроходимой чащобе, может в любой момент вернуться. Понимал это и Баюн, сумевший учуять отголоски ускользающей Силы, поспешно стремящейся куда-то вдаль.

– Что ж, – воин хмыкнул, возвращая шлем на его законное место. – Думаю, пора наведаться к тебе в гости, старик.

* * *

Мечущееся нутро яростно вырывалось наружу из оскаленного рта и тонуло в тёмном коконе, окутавшем бывшего наследника престола, единственного законнорожденного сына царя Афрона… скитающегося цареубийцу. Юноша бил и крушил вязкую тьму,

затянувшую его в непроизвольно открывшийся проход. Проход, который никуда не ведёт или ведущий в никуда. В первые мгновения царский сын жаждал встретиться с тем, кто затащил его сюда, вырвав из разворачивающегося сражения, он желал покарать чародея и поскорее вернуться к Дарье, оставшейся одной против четырёх ищущих. Тщетно. Выход не открывался: ни туда, ни обратно.

Взбунтовавшаяся бездна, после столь длительного молчания проснувшаяся в груди юноши, рвала его на части, требуя безропотного подчинения. Афрон сражался, пытаясь загнать тьму на задворки сознания, но съедающий его голод брал своё – сил на сопротивление почти не осталось. Невольный пленник метался, стремясь высвободиться раньше, чем бездна вырвется из него. У оголодавшей пустоты выходило гораздо успешнее – поставленные Дарьей преграды сметались с необычайной скоростью, висящие на шее обереги плавились, обжигая оголённую грудь жгучими каплями, наузы тлели на глазах, вложенная в них трава рассыпалась прахом.

Афрон хрипел, колотя себя по груди, но бездну уже было не загнать обратно. Ощерив голодную пасть, наследие предателя Храбра выходило наружу, захватывая его отпрыска – мятежного царевича, решившего жить не по слову Господина, а по совести. Глаза юнца налились кровью, зубы, готовые терзать нежную плоть, заострились, неимоверно удлиняясь. Укор гибким червём вполз в голову, упрямо таща за собой упирающееся непонимание: почему он позволил себе столько голодать? Парень облизнулся удлинившимся шершавым языком в предвкушении пира – бездна, алчущая Силу, желала испробовать искру Дарьи, той, чьё слово так долго держало царское наследие на крепкой привязи.

Одновременно с мыслями о девчонке, послышался её мелодичный голос:

– На палец нить намотана…

Бездна, управляющая телом юноши, с удивлением поднесла дрожащую руку к помутневшим очам и обнаружила ранее не замеченную тонкую красную нить, тянущуюся из вены на запястье куда-то в густую тьму.

– *Скорей ко мне тянись…*

Афрон округлил глаза, когда нить неожиданно натянулась и потащила его прочь из вязкой тьмы, дурно пахнущей плесенью. Сладко пахнущей плесенью – решила для себя затаившаяся бездна.

– *Из тёмного, из омута…*

Тоненький луч света, переплетающийся с красной нитью, постепенно ширился, превращаясь в бликующий поток. Неприятно дыхнуло жаром, заставляющим бездну на краткий миг отпрянуть от сознания опомнившегося юнца.

– *Мой миленький, явись!*

Бездна облизнулась, чуя, что на поляне, на которой они очутились, полно ярких искр и искорок. Афрон хищно огляделся, не обращая внимания на причитающую Дарью, решив оставить её напоследок, облизнулся, отталкивая охнувшую девушку, и шагнул вперёд, громогласно приказав переглянувшимся ищущим:

– Прочь с дороги!

Тени двинулись навстречу наглецу.

– Отступник, рады, что ты вернулся…

– Ты пришёл в самый разгар пира…

– Ты будешь нашим…

– Главным угощением сего…

Ищущий не успел договорить. Выросшее из ладоней юноши лезвие рубануло по чёрному балахону. Клинок тени Господина не сумел сдержать удар, рассыпавшись на мелкие части, словно был выкован из стекла, а не из осколков бездны. Афрон усмехнулся, глядя на троих ищущих, недоуменно переглядывающихся меж собой. Второй удар юнца пронзил воздух – тени, удивлённые столь лёгкой гибелью собрата, быстро пришли в себя и, окружив противника с трёх сторон, начали наносить беспорядочные

удары, ускорясь с каждым шагом, изо всех сил стараясь не подставлять своё оружие под выпад соперника.

Отряхиваясь, поднялась Дарья, с трепетом глядящая на девушку, сотканную из языков пламени, которая с ненавистью следила за битвой. У кромки леса загомонили лесорубы, бурно спорящие между собой. О чём-то зашептались дети, которых Стан настойчиво потянул в сторону исчезнувшей тропы, в надежде уйти миром или, если потребуется, прорваться силой.

Почуяв, что лакомые искорки отдаляются от неё, бездна, управляющая Афроном, рыкнула, вынуждая юношу кружиться с большей скоростью и бросаться то на одного, то на другого ищущего, которые ничего не могли противопоставить рьяному сопернику, клинки которого несли небытие. Схватка начала перерастать в сменяющиеся друг за другом одиночные стычки. Афрон наседал на уклоняющихся теней, мечась между ними, вынуждая их отступать и увеличить сдерживающий его круг.

– Уймись, отступник. Мы с тобой одно…

Ищущий не успел договорить. Чёрный клинок Афрона пронзил капюшон противника, мгновенно выпивая его Силу. Оставшиеся двое, понимая, что не в силах противостоять предателю, попятились к лесу. Бездна стеганула своего раба кнутом боли. Голодная тварь, поселившаяся в человеке, не желала отпускать носителей частицы себя, она хотела пожрать всех, мечтая о мимолётном насыщении, за которым придёт новый, более сильный голод.

Бывший наследник в два прыжка нагнал отступающих и, с лёгкостью отбив их рассыпающееся от ударов оружие, пронзил трепещущие на ветру плащи, забирая крупицы естества Пленника себе. Облизнувшийся Афрон направился в сторону искорок, стремящихся в темень леса, но его определи никчёмные людишки, старший из которых бухнулся на колени с криком:

– Господин, наш Господин! Смотрите, все это наш Господин, вырвавшийся из огненной темницы, в которую его заковали лживые Боги! Падите ниц перед нашим Господином!

Надрывающийся Мокроус упал лицом в солёную грязь. Остальные лесорубы, кто с благоговением, кто с робким недоверием, а иные и вовсе с презрением, но повалились на землю, приветствуя Пленника. Ворочающаяся в Афроне плесень взбрыкнула, наказывая живого за нерасторопность. Ей были безразличны людишки, не носившие в себе искру или носившие столь малое пламя, что на него не было проку тратить времени. Не обращая внимания на стоны и хрипы, юноша пробежал по согнутым спинам и кинулся наперерез утекающим искоркам.

– Афрон, стой! – опомнившись, встрепенулась Дарья, только сейчас начавшая осознавать: что-то идёт не так. – Милый, остановись! Что ты делаешь?

Девушка кинулась к сердечному другу, заранее понимая, что не успеет накрыть детей обережным куполом. Трепыхнулось пламя костра – Огневица попыталась шагнуть на солёную землю, но, зло зашипев, вернулась на угли, в бессильной злобе следя за происходящим.

Бездна всё же успела нагнать лакомые искорки. И, мимолётно взглянув на подбегающую от костра девушку, которой была уготовлена роль заедки[10], всплеснула руками наследника, отбрасывая бегущую в сторону.

– Бегите в лес, я его остановлю! – воскликнул Стан.

Афрон с интересом взглянул на самую жаркую искру из всей оравы, в которой переплелись два потока Силы. Улыбнулся, желая выпить вставшую на его пути преграду первой. Удлинившаяся кисть, превратившись в бритвенно острое лезвие, легко пробила плотный земляной ком, вырвавшийся из изрядно взрыхленной почвы, но второй

[10] Имеется в виду десерт.

ком успел достичь цели раньше. Лицо одержимого бездной пылало от боли. Разъедая плоть, соленая вода, смешанная с едкой слизью, заменявшей кровь бывшего наследника, стекала на землю, образовывая небольшую лужицу. Афрон взревел, одёрнулся, увернувшись от последующих земляных снарядов, и, шагнув вперёд и в сторону, начал поворачиваться, чтобы с разворота снести голову живому, посмевшему меряться с ним силой. Удлинённой руке Афрона не хватило совсем немного, она не успела полностью разогнуться в локте, как в наследника врезался огненный снаряд, отбросивший его назад и сбивший с ног.

Бездна надрывно орала, разрывая глотку своей куклы, которой она так удачно управляла. Боль затмевала голод, выжигая взъярившуюся пустоту. Афрон бился в конвульсиях, беспорядочно колотя руками и ногами по земле, пропитанной океанской водой. Вернувшееся на краткий миг сознание углядело единственно верное решение. То, что они с Дарьей желали добиться от Агнии, может дать пылающая Огневица, мечущая горящие шары в его сторону. Только с дочерью огня их затея становится намного опаснее.

Пошатываясь, Афрон поднялся, занёс ногу для шага, но не успел завершить начатое – опомнившаяся бездна вновь взяла контроль над бунтующим телом. Голод требовал выпить искру мальчишки, посмевшего сопротивляться его воле. Бывший наследник направился к Стану, который зажав шею, корчился на земле – чёрное лезвие всё же дотянулось до противника, – но на втором шаге одержимого тьмой твердь разошлась и поглотила несдавшегося мальчика. Афрон прохрипел и повернул голову к пятившейся Дарье. Бездна облизнулась, но горящий шар Огневицы ударил в грудь, вновь опрокидывая тёмного наземь.

Сознание юноши встрепенулось. Понимая, что голод сейчас вновь возьмёт верх, Афрон вскочил, направил руку в сторону Дарьи, боясь, что она кинется на подмогу и

испортит всю затею. Из трясущегося запястья вырвался чёрный сгусток, который отбросил пискнувшую девушку назад, окутал коконом и, с хрустом сломав несколько ветвей, прилип к стволу ближайшей ели. Видя, как подруга бессильно затрепыхалась в липких силках, Афрон, из последних сил гоня голод прочь, кинулся к костру, мимоходом бросив притихшей Дарье:

– Ты мне поможешь, как помогла на берегу!

Не замечая бледности, проступившей на лице девушки, бывший наследник рванул вперёд, чуя, как голод пожирает его, превращая в послушную куклу.

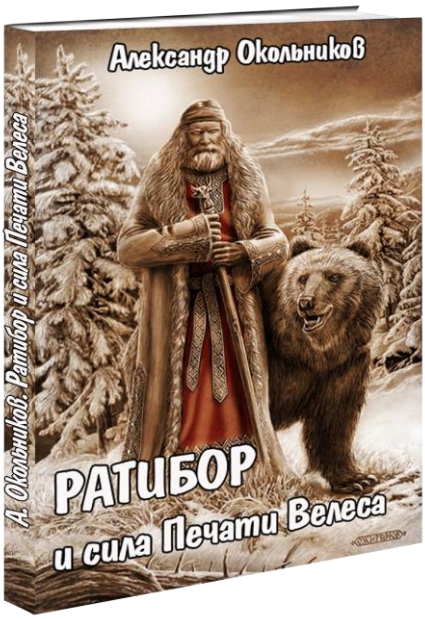
Продолжение в бумажной версии книги.

Книги с автографом автора
ждут вас на сайте **gardar.biz**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Присказка……..... 3
Зачин..……..... 5
Сказ 1. Дети Силы…….……..…...… 8
Сказ 2. Вызревшая месть..…..……...……..……...… 108
Сказ 3. Выход Чёрного Колдуна……..…… 200
Концовка……..…… 284
Послесловие…..……..... 287

Ратибор и сила Печати Велеса

Даже после самой лютой зимы приходит оттепель. Сколько бы ни бились морозы, сколько бы ни стенала свирепая вьюга, жаждущая сохранить свою длань над миром, – заворочается в берлоге ком, подымется Хозяин, стряхнув снежные оковы, отведает самый ароматный первый блин и зальются трелью жаворонки, зовущие сверкающего лучами озорника Ярило, скачущего по небосводу на белогривом жеребце.

Всего делов-то: найти берлогу да разбудить Велеса!

Но ныне необычная зима встала над миром. И не так просто добудиться медведя, дремлющего у истоков Силы. Удастся ли это Ратибору? Неведомо!

Древний амулет увлек внука Василисы Премудрой в бездонную пропасть. Что ждет мальчика по ту сторону? Сумеет ли он исправить ошибки великих пращуров, найти и уничтожить источник плесени – остается загадкой.

Забирай книгу с автографом автора на сайте

www.gardar.biz

Литературно-художественное издание
для широкого круга читателей

Иллюстрация на обложке:
Бориса Аджиева

Автор иллюстраций:
Александр Будник

Корректор:
Лариса Александрова

Дизайн обложки:
Дмитрия Соколова

Подписано в печать 01.09.2022
Формат 60x90 1/16.
Печ. л. 19. Бумага офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № **К–7913**

Славянский издательский дом «ГАРДАР»
Сайт: gardar.biz, raskol66@mail.ru, 8(902)465–24–50

16+

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 г. № 436–ФЗ